

Елена Федорова Королева воинов

Роман основан на реальных событиях исчезновения известного московского бизнесмена, происходивших в конце 1990-х годов на территории России и Украины.

Посвящается всем дорогим долготерпеливым детям судебно-медицинских экспертов

Каждое преступление может и должно быть расследовано!

Дина Гнатенко, судебно-медицинский эксперт

Пролог

Рашель который день не находила себе места... Она до сих пор не могла изгнать из памяти картину, увиденную в том районном морге — сложенные на полу тела с хаотично искореженными конечностями, расплюснутыми головами, выкрученную руку Красавца с его старинным серебряным браслетом, рубашку Айвара с именовыми запонками, спокойно стоявшего рядом судмедэксперта... Она вспоминала, как сдерживала себя от ужаса, чтобы не закричать, когда пыталась

опознать останки погибших в аварии... Шелли всегда считала, что память подводит только тогда, когда не помогает восстановить былые образы. Но сейчас память предавала ее тем, что не давала забыть эти страшные видения. Настоящим кошмаром для нее стало то, что предательская память увеличила себя до 3D эффекта. Рашель не только постоянно видела перед собой эту жуткую картину, но и была ее непосредственным участником, а обонятельный сектор памяти подло сохранил и давал ощущение присутствия густого солоновато-железного запаха свежей крови вокруг.

Этот кошмар, длившийся не первый день, не давал ей спать и даже нормально общаться с детьми по телефону. Сквозь тысячи километров, протянувшихся от Москвы до недостижимой теперь, Америки, они чувствовали напряжение матери и плакали. А она не могла их успокоить.

Мужа не было ни среди мертвых, ни среди живых... Если Разумовский говорил ей правду, то Михаил исчез еще до ДТП. Так куда же он исчез? Не унесли же его бесследно инопланетяне! Жив ли он?..

Часть 1

Ретроспектива

Москва

1

«Все-таки жизнь удалась!» — радостно думал Миша, завязывая галстук перед зеркалом. Громадный кусок стекла, оформленный в стиле абстракционизма, правдиво показывал его самодовольный вид. Вся его, уже несколько обрюзгшая, фигура с сильно обозначившимся животом и по-еврейски обвисшими щеками, излучала удовольствие от собственного статуса. А почему было не гордиться собой? Из нищего провинциального паренька, у которого кроме абсолютно голой жопы, из всех достоинств была лишь любовь к математике, за 30 лет он превратился во владельца нескольких квартир и магазинов в центре Москвы. У него — один из самых модных салонов приведений искусства. Его модную обувь предпочитают носить не только в Москве, а фуры с молдавскими и украинскими яблоками ежедневно пополняют магазины и рынки.

Мечтательно поглядывая утром на лазурное небо, Михаил всегда представляет, как там, высоко за слоем облаков, уже в черном космосе кружится

по орбите ничем не примечательный спутник. Внешне он ничем не отличается от множества других спутников, вращающихся вокруг их Земли. Как и многие из них, он тоже транслирует передачи спутникового ТВ. Но это — не основная его задача... Думая об этом «малыше», у Михаила всегда возникало сладковатое ощущение ужаса от того, чем могло грозить ему и Латифу их детище. Но именно это чувство и давало ему ощущать кайф или драйв, или как там сейчас молодежь называет восхищение от опасных приключений?!

За его благосклонность теперь сражаются стайки молодых претенденток на райскую жизнь в столице, поэтому его приглашают иногда участвовать в конкурсах красоты. И именно от него зависит их билет в новый мир. Его осаждают бывшие женщины, родные и не родные дети. И если Мишины приятели удивляются тому, как он распутывает этот сложный клубок личных взаимоотношений, то его самого это совершенно не напрягает. Разве тридцать и даже двадцать лет назад он мог предвидеть, что его когда-нибудь настигнет такая популярность?

Приехав в МГУ с пустыми карманами и справочником по математике в руках, он прекрасно сдал все вступительные экзамены, кроме русского языка, по которому провалил диктант. И теперь он сидел на ступеньках и впервые в жизни не знал, что

ему делать. Возвращаться в провинцию ему совершенно не хотелось. Остаться в столице тоже было невозможно, потому что существовал паспортный режим... Что было делать?

Неожиданно он услышал над собой знакомый девичий голос.

— Миша, что с тобой? Тебе плохо?

Оказалось, что к нему обращалась самая милая девочка из его абитуриентской группы. Она-то как раз набрала все необходимые баллы и уже знала, что прошла по конкурсу. То ли все отчаяние просто просилось выплеснуться наружу у Михаила, то ли это появилась его счастливая звезда на небосклоне, то ли впервые наконец замаячило знаменитое еврейское счастье, но Миша вдруг доверился этой русской девочке.

Лиза Николаева была сумасшедшей альтруисткой и всегда всех жалела: и котика с вывихнутой лапкой, и одинокую первую учительницу, и несчастных вьетнамских детей, которых бомбардировали капиталистические американские агрессоры. Конечно же, ей стало неимоверно жалко и Мишу. Первым приступом ее сочувствия стало приглашение зайти к ним на обед. Вторым — знакомства с ее легендарным дедом, который был в свое время значимым полководцем и чудом уцелел от репрессий. Третьим шагом стала опека над несчастным, теперь уже — приятелем, за

которого некому было заступиться в этом жестоком мире. Участие к Мише упало у Лизы на благодатную почву: на ее альтруизм, на любовь к математике, и на желание самореализоваться как истинному строителю коммунизма — быть доброй, заботливой и щедрой.

Честно говоря, если бы все были такими, как Лиза, то хотя бы в этой «одной отдельно взятой стране» коммунизм таки построили бы!

А так как не любить такое искреннее создание было просто невозможно, то и дед, и постепенно остальные ее родные, тоже приняли участие в Мишиной судьбе. С юных лет наш математик познакомился с правдой жизни — если у тебя есть влиятельные связи, то закон может быть писан и не для тебя. Оказывается, при большом желании можно было найти лазейки и сделать для него сначала временную прописку, устроить на работу чертежником в НИИ, на подготовительные курсы в университет. Конечно, все родные Лизы помогали ему просто так, не заботясь о том, сможет ли он их когда-нибудь отблагодарить. И уж никто не подозревал, что впоследствии совместная любовь к математике, жалость Лизы к несчастному Мише и радость за его поступление на следующий год, выльется в ее первый поцелуй.

Конечно, Миша испытывал к своей спасительнице чувство благодарности и даже

увлеченности. Но на тот момент он не планировал никаких серьезных личных взаимоотношений с ней. Ведь мама всегда напоминала ему, что настоящий еврей должен жениться только на еврейке. Но тут события так завертелись, что все начало напоминать огромный водоворот, рискующий поглотить Мишу целиком. Неприятие родителями ее нового статуса влюбленной, да еще в Мишу, и их сопротивление девушка теперь воспринимала, как вызов судьбы, который надо превозмочь всеми силами. А ее упорство обычно сметало все преграды на пути. Лиза отважно прыгнула в этот водоворот, будучи уверенной, что и Миша безумно ее любит, и начала бороться за них обоих. Теперь покой семьи Николаевых был сметен ураганом Лизиной страсти. Здесь было все: и слезы, и крики, и взаимные упреки, и проклятия Мише, и уходы из дома...

Мама Миши до этих событий часто приезжала в Москву, привозила убогие подарки благодетелям сына, понимая, что ничего просто так в жизни не бывает, и когда-то придется платить по счетам. И теперь, вопреки всем своим убеждениям, она осознавала, что другого выхода из положения, кроме женитьбы, не существует.

— Ну что ж делать, сыночка, так складываются обстоятельства, что надо потерпеть. Уж лучше пойти ей на уступки. Ведь родители и

дед все-равно простят родную кровь. А если еще будет наследник — никуда они не денутся! Простят вас. Поживешь с ней еще немного. Говорят, что вскоре появится возможность переехать на землю обетованную. Конечно, там надо будет иметь нашу жену. Но пока ты можешь очень хорошо попользоваться ими... Надо только проявить дипломатию.

И маман с успехом начала играть в дипломата, причем со всеми Николаевыми одновременно. Лизе она показывала, что она на их стороне и заверяла ее, что сын просто боготворит свою избранницу.

Перед дедом она произносила извинения за невольную любовь молодых и уверяла, что никто такого не планировал и никто не виноват, но — дело молодое ведь!

Перед родителями она унижалась и просила прощение за то, что Миша вообще появился на их горизонте, и что он вообще никогда не осмелился бы признаться Лизе в своих глубоких и безнадежных чувствах, но... По большому секрету, в их романе ведущую роль играет сама Лизанька, и даже она в сердцах как-то заявила, что если ее родные не согласятся на их брак, то она спрыгнет с балкона!

Услышав такой секрет, родители похолодели от ужаса. Теперь уже на совместном совете всех родителей было решено, что уж раз они так любят

друг друга, то пусть женятся! В конце концов — не средневековье, надо быть интернационалистами, ведь и коммунизм не за горами! А как известно, при коммунизме не будет вообще никаких национальностей.

— Бог с ними! Пусть женятся, — подвел итог отец Лизы.

— Черт с ними! — провозгласил дед, вспомнив про четверть еврейской крови у своей бабки.

— Пес с вами! — мысленно произнесла Фира Львовна. «Стройте тут свой коммунизм, а мы все-равно вскоре в наш рай уедем!».

Вот таким образом Миша оказался, в конце концов, принятым в семью Николаевых. А дальше он попал в струю. Дед умер и его громадная квартира досталась им, потому что Лизанька была там прописана. Через несколько лет они стали подающими надежду математиками. И Лизу пригласили на работу по контракту в один французский концерн. Пока Миша доучивался, жена жила целый год в Париже. Мише с его еврейской кровью тогда такое счастье не светило, но ему было очень неплохо и в Москве. Учеба ему легко давалась, условия жизни были замечательные. Появились нелегальные подработки от друга, который с неба звезд не хватал в математике, но смог устроиться аналитиком в

одной крупной фирме в Германии. Так как с расчетами и анализом у него было туго, то Михаил постоянно отсылал Алексею свои, которые тот щедро, по советским понятиям, оплачивал их. Фира Львовна даже стала проникаться чувством гордости за своего мальчика. Наконец, даже в условиях советского социализма, ее сынок смог оправдывать фамилию — Золотой Человек! То ли еще будет, когда они смогут вырваться в Израиль! Уж там ее Миша расцветет, будьте уверены. И там он сможет оправдать уже и свое имя — Кто, как Бог!

Мадам Гольдман, говоря соседке о сыне, даже слезу умиления смахнула!

— Представьте, Розочка, я ведь его специально Мишей назвала! Ведь Вы слышали поговорку: «как лодку назовешь — так она и поплывет!». Мой муж тоже так считал. И вот посмотрите результат: у Мишеньки с детских лет активность, пытливость и логичность ума, любознательность, сильная воля, он всем интересуется. Жаль, в этой стране у него нет будущего!

— Как у всех нас, Фирочка.

Михаил и сам удивлялся тому, что в советской действительности он начал набирать обороты. Ему с детских лет внушалось, что ЗДЕСЬ будущего для него нет. Оказалось, что все постепенно менялось. И хоть первая волна

разрешенной государством эмиграции в Израиль сопровождалась радостными восхвалениями Яхве, Миша знал, что и там не все однозначно. Поэтому он и не рвался, как его мама, к земле богом избранных. Ему пока неплохо и здесь было. Лиза вернулась из-за границы дамой, уже знавшей себе цену, и больше не напоминала девчонку-абитуриентку, летевшую нараспашку всему миру. По части эмоций она тоже стала более сдержанной в повседневной жизни и позволяла раскрыться себе только во время секса. В этом плане у них все установилось хорошо и стабильно. Но со временем монотонность семейных отношений начала требовать хотя бы некоторых перемен. С самого начала в их семье повелось так, что каждый из них имел некоторую свободу. Если подружки Лизы были вынуждены стремглав нестись после работы домой, где их ждали дети и кухонная плита, то Николаева могла позволить себе отправиться в кафе и ждать Михаила к ужину там. Ведь у них детей так и не появилось. Сначала они суетились по поводу своей бездетности, даже пробовали сдавать анализы в центре бесплодия, но потом остановились. Обсудив логически, как и подобает математикам, сложившуюся ситуацию, они поняли, что возможно, их бездетность — вовсе не проклятие, а наоборот — благословение. В конечном итоге, все их знакомые постоянно

ссорились из-за детей, были прикованы к дому и дедушкам-бабушкам. А они были свободны от всего этого и поэтому в любой момент могли поехать на выставку, в ресторан или в театр. Так зачем было портить устоявшуюся гармонию? Лиза до сих пор так и не могла понять, любит ли она Михаила, или просто он стал для нее первой целью, которую она хотела достичь, став взрослой. До сих пор она так ни разу и не испытала ураган страстей, о котором ей рассказывали некоторые подруги. Она недоверчиво выслушивала их признания о том, что они все бы отдали, чтобы вернуть назад несколько лет из прошлого и встретиться не со своим мужем, а с тем человеком, который встретится им через несколько лет. Миша был давно изученным, от него можно было не опасаться непредвиденностей. Ведь в жизни математиков все должно быть четко распланировано. Поэтому, Елизавету все пока что устраивало в семейной жизни.

Но к удивлению Михаила, в его жизни, кроме профессионального успеха, стали появляться поклонницы, которые польстившись на квартиру, заявляли, что жена — не стена... Конечно, он был очень аккуратен в амурных делах, понимая, что в случае раскрытия, его крах наступит быстрее, чем взлет. А терять Лизино наследство он теперь не собирался.

2

Уже многолетней традицией у него стало раз в год, летом, посещать маму. Фира Львовна за эти годы сильно надломилась духом, бесконечно ожидая переезда. Внешне она тоже сдала, стала неподъемной. Первая волна эмиграции уже осуществилась. И мадам Гольдман от жизни ждала лишь того момента, когда у ее Миши появится, наконец, возможность уехать на историческую родину. Но Мишу пока все устраивало, а кроме того, он боялся, что мама не выдержит такой резкой смены климата и долго на земле обетованной не проживет. В семье их друзей произошла такая ситуация. Поэтому он пока тянул время, не зная, как поступить.

Затем, когда Лиза вернулась, все пошло по накатанной плоскости. И хотя и Михаил, и жена теперь осознавали, что на самом деле их брак изжил себя, первый шаг к освобождению никто не хотел делать. Лизе было стыдно перед родителями за свои прежние героические истерики и псевдосуицидальные угрозы, а Мише, как истинному прагматику, было жалко терять все, что его окружало последние годы и возвращаться к уровню среднестатистического советского гражданина. Кроме того, он ясно представлял, что в

случае переезда в Израиль, все придется начинать с нуля. Имея сейчас хорошо оплачиваемую работу и уже — возможность зарубежных командировок, бросаться куда-то и кому-то что-то опять доказывать не имело смысла. Поэтому их семья продолжала свое существование на своем первоначальном фундаменте — любви к математике.

Миша с Лизой любили вечером перед сном посидеть в громадных дедовских креслах и порешать интересные кроссворды, а то и математические задачи. Совместное проживание со временем стало просто хорошей дружбой. Большинство приятелей даже завидовали их стабильным отношениям. Они даже не подозревали, что эта стабильность, без обычных выяснений отношений, истерик и хлопаний дверями, была результатом взаимного охлаждения Лизы и Михаила друг к другу. Муж и жена иногда задумывались о возникшей трансформации былых чувств, но думали, что со временем так и должно быть. Поэтому они, не связанные детьми, имели относительную свободу друг от друга. И именно потому они прекрасно себя чувствовали, вместе посещая какую-нибудь новую модную выставку или интересный научный семинар. Михаил не тяготился обществом Лизы в такие моменты. Он знал, что уделив сегодня внимание жене, завтра

спокойно сможет навестить своих «птичек», как ласкаво он называл нескольких своих поклонниц. Гольдман ничего не знал о том, была ли так же свободна от него Лиза. Она просто теперь была его органической частью, а он — ее. И Михаил принимал это как данность и не собирался что-то менять.

Так все внешне прекрасно происходило до тех пор, пока они в очередной раз не поехали к Мишиной маме. Родители Лизы уже ушли в лучший мир, освободив им и свое прекрасное жилье. Фира Львовна, похоже, тоже засобиравлась туда уже без посещения земли обетованной.

Она почти не передвигалась. То ли вес огромного тела мешал, то ли груз осознания, что она так и не увидела благословенную землю предков... В их небольшом и неухоженном домике пахло непроветренными вещами, давно немытым телом, чесноком и мочой. Сколько Миша раньше не пробовал что-то изменить: облагородить дом или купить маме новый — та сопротивлялась. Зачем ей было здесь новое жилище, если она собиравлась отсюда уезжать?

Лизе, конечно, было противно здесь находиться и они всегда снимали номер в лучшей гостиннице. Городок был малюсенький, даже погулять-то толком негде было. Повсюду они натыкались на знакомых, везде было убожество,

пыль покрывала сохранившиеся еврейские проулочки. Но ее самолюбию импонировали встречи с Мишиными одноклассниками, когда те смотрели на них, как на жителей с другой планеты.

В этот раз Миша был особенно занят, предвидя скорую мамину кончину. Ему необходимо было позаботиться о Фире Львовне и он был занят поисками медсестры или социального работника. Третий день он был нахмурен, потому что ему никак не удавалось найти человека, в порядочности которого он был бы уверен. Дело в том, что он всегда давал маме достойную сумму денег для проживания, но по внешнему виду мамы этого нельзя даже было предположить. Он подозревал, что виной этому был начинающийся маразм. Мама уже плохо помнила, путалась в воспоминаниях. Он даже не смог добиться от нее, где же хранятся ее средства к существованию. Фира Львовна как-то упоминала, что ее навещают местные сверсницы и Ксюха. Но Миша очень сомневался, чтоб у тех могли храниться мамины деньги. Сверсницы сами все забывали, а галапайде Ксюхе из параллельного класса и живущей в этом же районе нельзя было доверить даже собственную зубочистку. Из нормальной веселой девчонки та постепенно превращалась в пьяницу с шизофреническими мыслями. Поэтому средства надо было перечислять надежному человеку, который бы действительно

хорошо обслуживал свою подопечную. А на кого было возложить контроль за уходом? Знакомых медсестер было не так уж и много, социальных работников — тоже. Время отпуска было на исходе, потому Миша торопился принять решение, а Лиза осталась предоставленной самой себе.

Ей надоело сидеть в номере и она отправилась погулять. Неотъемлемым атрибутом местного «выхода в город» было посещение базара. Так как это был рынок районного центра — он располагался на значительной площади и в своем арсенале имел весь ассортимент товаров. А рядом с рынком был перелочек, в котором велась оживленная торговля неликвидным, но иногда — необходимым товаром. Переулок имел официальное название — Рыночный, но все его называли «Шатре». Как-то Лиза удивилась такому французскому названию, на что Миша рассмеялся и сказал, что название идет от искаженного и сокращенного выражения «все, що треба» — «що тре» — «шатре». И действительно, здесь иногда, кроме винтиков-шпунтиков, ниток и иголок, можно было найти настоящий фарфоровый сервиз и даже уникальную золотую вещь у пенсионерки.

Поэтому Лиза решила пойти поискать какой-нибудь раритет. Местный колорит, конечно, всегда имелся у этого городка. Евреи, хохлы, цыгане, молдаване — весь этот пестрый коктейль

обитателей привносил особый колорит, что-то такое, чего она никогда бы не увидела в Москве. И если бы она была психологом, то обязательно бы занялась изучением такой местечковости. Но она не была психологом.

В этот раз ее внимание привлекла сценка у входа на рынок. Какая-то обезбашенная разлохмаченная лахудра неопределенного возраста (язык не поворачивался назвать ее женщиной!) пританцовывала под музыку продавцов кассет. Она расталкивала локтями прохожих, трясла изможденной грудью в неимоверном декольте и крыла матом тороговоков, пытающихся ее урезонить. Лиза на миг замедлила шаг, рассматривая такую необычную сценку, и вздрогнула. Воинствующее ничтожество почувствовало на себе ее взгляд, и оглянулось. Лиза вдруг физически ощутила волну агрессивной ненависти, исходящую от лахудры.

— Шо смотришь? Зенки вылупила! Нравится, как я танцую? Ха-ха, я могу так танцевать, потому что я — королева! А ты — тьфу, ничто! Пыль!

Лиза стремглав бросилась быстрым шагом подальше от рынка. Даже на шатре ей теперь расхотелось идти. Нет, все-таки маленькие городки — не для нее. Москва, Париж — другое дело. Там такого просто не может произойти, чтобы тебя ни с того, и с сего вдруг бросились оскорблять. Она пробовала найти у Михаила сочувствия, когда тот

забежал в гостинницу, но он второпях сказал, что поговорит с ней попозже. И опять Лиза осталась одна. К вечеру она решила не ждать мужа и сходить в ресторан. Обычно они ходили с ним в центральный кабаk, носивший помпезное имя «Князь Владимир». Владелец решил себя увековечить, дав не только названию свое имя, но и присвоив княжеское звание. Но сегодня Лизе захотелось изменить обычный порядок вещей. По дороге она увидела кафе, в котором, по слухам, готовили очень вкусную творожную запеканку.

В кафе бурлила жизнь. Контингент был, конечно, молодежный, потому Лизе было не очень интересно. Местечковость сквозила везде — парни постоянно духарились, девчонки тоже выясняли отношения, стоял постоянный гул. Какая-то цыганка пыталась навязывать свои услуги посетителям, потом пришла милиция выгонять цыганку... Лиза, в свою очередь, тоже оказалась под прицелом многих молодых глаз. Николаева даже несколько раз встретилась взглядом с одной серьезной темноглазой девушкой. Лицо юначки показалось ей знакомым. Но Лиза никак не могла вспомнить, где бы она могла пересекаться с девушкой. Вообще, многие из присутствующих обратили внимание на приезжую. В Елизавете сохранялся неуловимый столичный шик. Что именно его создавало: неизменная модная укладка

на голове, стильная одежда, дорогая и удобная обувь, аромат ли тонких духов — было не понятно. Но в местной толпе Мишина жена всегда обращала на себя внимание нездешним видом. Самой Лизе было интересно лишь оценить работу повара. Кстати, тот обратил внимание на ценительницу его творений и вышел с ней пообщаться. Хоть блюда были не очень сочетаемыми, он кроме запеканки настойчиво рекомендовал попробовать несколько новых салатов. Лиза не устояла, хоть знала, что при смешивании разных продуктов возможны непредсказуемые последствия от кишечника. Но салаты с морепродуктами ей понравились своим непредсказуемым горьковато-сладковатым прикусом и непривычным запахом. Она даже с удовольствием написала благодарность шеф-повару заведения. Посидела еще с полчаса за столиком, прошла в дамскую комнату, подправила макияж. Когда вернулась — увидела на столе еще небольшую порцию ассорти. Странно, она не заказывала больше еды. Но бармен кивнул ей с улыбкой в сторону кухни и она поняла, что довольный шеф прислал ей презент за счет заведения. Это было так мило, хотя и явно лишним. Но готовили здесь чудно. Поэтому Лиза с удовольствием принялась за новое блюдо. По приезду в Москву надо будет самой сварганить что-то наподобие. Ассорти вообще было улетное.

Такой необычный вкус, напоминавший горькие травяные специи. Интересно, что это? Неожиданно ее начала охватывать слабость. Вообще с ней всегда случалось подобное, если она переела на ужин. Да, вопреки ее внешнему худощавому телосложению, Лиза ела хорошо, и могла позволить себе грешить в еде на ночь. И все-равно не поправлялась. Подруги ей даже завидовали, потому что самим приходилось считать калории, чтобы оставаться привлекательными. Конечно, обжорой Николаева не была, но если иногда случалось переест — ощупала слабость, тяжесть в желудке и прочие неприятности. Сейчас она даже мысленно поругала себя за жадность. Не смогла устоять перед лишним угощением! А еще думала о себе, что у нее есть сила воли!

Лиза оставила деньги на столе и вышла на свежий воздух. Вот тут-то она и поняла, что пожадничала конкретно! Голова закружилась, к горлу подступил ком. Ноги неожиданно задрожали.

«Фу! Какой — то вегетативный криз!», — отстраненно констатировала она, вспомнив у себя подобный диагноз. «Переела? Или месячные начинаются? Так рано? Нет, не может быть!». Она присела на лавочку в нескольких метрах от кафе. Молодежь все время вертелась в дверях. На мгновение у Лизы потемнело в глазах.

— Вам плохо?

Николаева с трудом подняла голову. Перед ней стояла та серьезная черноглазая девчонка.

— Сейчас пройдет.

— Помочь? Принести воды? — девушка метнулась в кафе и уже через мгновение поднесла к губам Лизы стакан воды.

Холодная влага во рту помогла Лизе прийти в себя.

— Спасибо, — разлепила она губы.

«Хорошая девочка. Сейчас это редко бывает», — подумала Лиза, потихоньку встала, благодарственно кивнула черноглазой и медленно пошла в гостиницу.

На широкой гостинничной лестнице ей опять стало совсем муторно и она изо

всех сил ухватилась за широкие перила. Хорошенький вид она собой, наверное, сейчас представляет! Стыд какой! Подумают еще, что она пьяная. А она-то всего выпила 0,3 слабоалкогольного пива. Видимо, пора завязывать с алкоголем вообще!

Лиза с облегчением опустилась на кровать. Головокружение продолжалось, появилась тошнота. Но это была не тошнота от передания, ее так тошнило, когда резко понижалось давление. Что ж такое?

Лиза глянула в зеркало, висящее напротив. Вот ужас. Бледно-серое осунувшееся лицо...

Может вырвать и станет легче? Но она каким-то образом ощутила, что тошнит не от еды.

К ужину у нее еще появилась и тяжесть в желудке, но она решила, что поспит, и станет легче. Миша даже хотел вызвать скорую, но Лиза отговорила его. На следующее утро они должны были уезжать. Дома у них есть хорошие врачи. А здесь разве есть нормальные специалисты? У Гольдманов уже давно был свой семейный врач, «перешедший» к ним по наследству от родителей Лизы.

Но как раз под утро ей стало еще хуже — появилась горечь во рту, рези в желудке. Гастрит начался? А может, холецистит? Миша обеспокоенно хотел отменить поездку, но Лиза настояла на возвращении в Москву. Она потерпит.

Они таки поехали, но в дороге Лизу еще и растрясло, появилась рвота желчью... Короче, домой она приехала совершенно больной, исхудавшей и слабой. А потом и вовсе появились судороги. Миша пришел в ужас, сразу поднял врачей на ноги. Лизу сначала положили в обычную больницу. Сказали, что похоже на гастрит, энтероколит. Но потом перевели в инфекционное отделение с подозрением на отравление. Конечно, Михаил предпринял все возможное, заплатил за лучшие «подпольные» заграничные лекарства. Через несколько часов медики заговорили о том,

что все-таки это не пищевое отравление и надо перевести Лизу в кардиологию, потому что основным симптомом у нее сейчас определилось стойкое падение давления. Вечером он пошел домой переночевать, а наутро в больнице его обыденным тоном огорошили новостью, что под утро его жена скончалась. В истории болезни он увидел запись: «При нарастающих явлениях падения сердечной деятельности наступила смерть». Его даже не пустили к ней в палату. Михаил шел на «ватных» ногах и не понимал, что происходит. Как такое может быть, чтобы еще вчера Лиза разговаривала с ним и держала его за руку, а сегодня — ее уже нет и никогда не будет в его жизни? Почему ему сразу же не позвонили?

С этого момента он разочаровался в московских медиках. Его жена пришла в больницу своими ногами, а через несколько часов умерла в ней «при нарастающих явлениях падения сердечной деятельности»? Как можно было в лечебном учреждении допустить эти нарастающие явления? Где же вы были, врачи? Где же ваша реанимация? В гневе Михаил подумал, что не оставит камня на камне в этой больнице. Но поразмыслив, понял, что если даже сумеет что-либо доказать, то Лизу-то, ведь, не вернуть! И тело жены придется вскрывать, чтобы установить истинную причину смерти. Кроме того, Михаил не сомневался, что медики

обвинят их самих в первую очередь. Он и сам понимал, что с обращением Лизы в больницу они опоздали. И теперь, возможно, ответственность за позднее обращение за медицинской помощью возложат именно на него. Поэтому, по зрелом размышлении, Гольдман решил оставить все, как есть.

Главврач написал на истории болезни резолюцию «на вскрытие», но Миша не хотел, чтобы Лизу терзали еще и сейчас. Поэтому он заплатил определенную сумму патологоанатому, и тот выдал врачебное свидетельство о смерти без вскрытия. Таким образом, совершенно неожиданно, Лиза обогнала Мишину маму на пути в мир иной.

Пребывая какое-то время в эмоциональном ступоре от осознания этого факта, Миша неожиданно стал обладателем собственной недвижимости и определенного капитала в Москве.

3

Первое время после похорон Михаил пребывал в какой-то отрешенности.

Внезапная утрата Лизы иногда казалась ему нелепой шуткой. Возвращаясь после работы домой он забывал, что недавно своими руками кидал горсть земли в ее могилу. Иногда он по привычке

кричал с порога: «Я уже дома!» и вдруг спохватывался. Кричать было некому... Раньше он не раз мечтал, что на него каким-то образом свалится богатство. Вообще-то эту мысль ему постоянно внушала его маман.

— Не забывай, наша фамилия — Гольдман. Ты обязательно станешь золотым человеком! — частенько говаривала она.

Правда, сам Миша думал, что он разбогатеет своим умом. Но такой способ он не предполагал! Способ был самый законный, к получению наследства теперь просто невозможно было придраться. Жаль, конечно, что Лиза ушла так рано... Он неизменно испытывал к ней теплое чувство благодарности за то юношеское сочувствие, изменившее всю его последующую жизнь... Первое время он даже горевал. Но они все-равно давно остыли друг к другу... А теперь ее наследство придется так кстати!

Постепенно он стал свыкаться с выгодным положением вдовца. Птички уже не одолевали предложениями жениться на них, понимая, что он должен выдержать приличный траур. Чтобы больше не задумываться о пугающих неожиданностях физического бытия, Михаил ринулся с головой в работу.

Неожиданно в СССР разрешили коопертивное движение. То есть то, что было раньше под

запретом и каралось уголовным кодексом, теперь уже считалось предпринимательской деятельностью. Мелкие и самые разнообразные кооперативчики по пошиву модной одежды и обуви стали появляться, как грибы после дождя. Но Мише не пристало распыхляться по мелочам. Зачем заниматься физическим трудом, если можно зарабатывать на прекрасную жизнь умственным? Никто ведь не видел еврея с лопатой! Например, теперь уже официально возможно открыть фирму, которая будет предоставлять услуги по математическому анализу. Правда, кому он будет нужен? Студентам — точно, правда те не очень платежеспособны. Возможно — некоторым учебным заведениям гуманитарного профиля. Например, диссертантам педагогам, медикам, биологам, которые не сильны в математике. Ведь статистику в диссертации считать надо всем. Правда, и у диссертантов не у всех есть деньги... Но со временем, возможно, перспектива появится. Миша настраивался всегда оптимистически. Он уже заметил, что чем меньше переживал по поводу проблемы, тем быстрее и лучше она решалась. Он и не предполагал, что уже через десять лет его фирма вырастет в аналитический НИИ, сотрудников которого будут привлекать для работы в Институте стратегических исследований РФ.

Поначалу Миша не ждал большой прибыли,

но оказалось, что спрос на математические услуги превышает предложение, и ему даже пришлось нанимать к себе талантливых студентов.

Конечно, теперь к нему начали слетаться новые птички, которые не брезговали его еврейским происхождением и внешним видом. Интересная вещь — с возрастом Мишина внешность начала приобретать все более типичные черты лица, характерные для его племени. Волосы еще больше закучерявились и порыжели, щеки начали обвисать, на носу стала все отчетливее горбинка... Это его не то, чтобы сильно удручало, но уже заботило.

В послесталинские годы в Советском Союзе его никогда бы не взяли на руководящую должность по причине пятой графы, хотя почти все правительство Ленина состояло из евреев. Сейчас наблюдалось некоторое послабление, ведь уже произошло несколько волн эмиграции. Но кто его знает, чего можно в будущем ожидать в родном СССР? Тем более, что он уже совсем стал похож на соплеменников. Может, действительно подумать о переезде туда, где ничего не будет угрожать? Правда, и там есть угроза, арабы все время воюют. А в Израиле все военнообязанные. Ему совсем не улыбалось ехать на историческую родину и заниматься разборками с другими потомками Авраама.

Честно говоря, он еще в детстве не понимал, отчего эти два народа постоянно воюют. Фира Львовна, конечно, была сведуща в Торе и других Святых Писаниях, и потому пояснила ему истоки вражды двух семитских народов.

— Понимаешь, сыночка, Исаак родился от законной жены Авраама — Сарры. А Измаил — от рабыни Авраама Агари. И если бы рабыня не начала выступать, то и все сейчас были счастливы!

— Так, мама, но ты бы на ее месте не стала выступать?

— Так, Миша не устраивай мне демагогию! Наш Бог избрал Исаака, а не Измаила. Поэтому арабы вообще не имеют никакого права на голос!

Михаил, конечно, не стал спорить, но подумал, что если бы он оказался на месте Измаила, то тоже требовал бы равенства. Поэтому теперь, по прошествии многовековой, даже тысячелетней, истории вообще было непонятно, кто — прав, кто — нет. А в Москве у него уже даже был араб — компаньон. Фира Львовна удивилась бы, узнав, как хорошо ладят ее Миша и Ахмат Латиф. Гольдман совершенно справедливо считал себя новой генерацией прагматиков-бизнесменов, которые должны ориентироваться на объединение, а не вражду.

Примерно через полгода его познакомили по работе с одним известным адвокатом, а тот — со

своей дочерью. У Анны был сын от умершего первого мужа. Сама она была чистокровной еврейкой — мечтой его мамы, совершенно некрасивой, претенциозной, но очень богатой, что несколько увеличивало социальную составную часть ее привлекательности. И уже с приобретенной житейской мудростью Миша подумал о слиянии капиталов.

Почти обезумевшая от выраженного церебрального атеросклероза, Фира Львовна испытала внезапное просветление и облегченно вздохнула, узнав, что сын женился на своей. Теперь она могла быть за него спокойна.

Видимо, ее последним делом на брэнной земле оставалось лишь успокоение по поводу судьбы Миши. Поэтому она тихо и спокойно скончалась, даже не дав сыну возможность подготовиться заранее к похоронам. Новая жена не поехала на похороны, мотивируя это тем, что она совсем не знала покойную. Но Михаил и не настаивал.

Честно говоря, после смерти Лизы, Миша понял, что он не способен к долгим и глубоким страданиям. Поэтому он очень быстро стал заниматься обычными и новыми делами. Новый тесть предложил ему вложить средства в магазин электроники. У жены был свой бизнес — швейная мастерская, которая постепенно стала превращаться

в фабрику.

И сначала все пошло, вроде бы, хорошо. Тесть познакомил его со многими компаньонами. С некоторыми из них у него сразу завязался совместный бизнес.

Поначалу его очень заводила обычная надменность Анны. Она везде вела себя так, будто была королевой. В этом был своеобразный шик. Она не была красавицей, но всегда была в центре внимания, где-бы не показалась.

Все было бы неплохо, если бы приемный сын не был такой вредный. Михаил и не обольщался мыслью заменить пасынку отца. Да даже и не старался. Но он вел себя с Яковом неизменно ровно и дружелюбно. А тот намеренно и постоянно бесил его.

Амбиции жены все возрастали, она требовала все больше внимания к своей персоне, постоянно присутствовала на светских тусовках и таскала за собой сына и Михаила. Гольдман же изнывал на этих мероприятиях. Он, конечно, понимал, что это мелькание перед публикой выгодно для него самого. Ведь к этому времени он уже владел несколькими фирмами, к которым надо было привлекать внимание. Но иногда он начинал приводить в уме множественные исчисления просто для того, чтоб не сойти с ума на светских раутах.

Однако, со временем, Анна начала и дома обращаться с ним невыносимо заносчиво. Это его уже просто стало выводить из себя! А еще Миша стал подозревать со временем, что его благоверная жена начала ему изменять. Все это вихрем крутилось вокруг него и переставало нравиться. Сейчас он вообще не понимал, зачем ему было вновь жениться.

Он решил все-же проверить, обоснованы ли его подозрения, и нанял частого сыщика последить за Анной. И вскоре получил серию фотографий, которые зафиксировали связи его жены не с одним, а со множеством богатых одноплеменников.

— Ваша дочь ведет себя недопустимо не только по отношению ко мне, — не выдержав, как-то заявил он тестю.

— Мало того, что она мне множественные рога наставила, но еще и позорит честь еврейской женщины, распутствуя со всеми Вашими партнерами.

— Ну что мне сказать тебе, Миша? Хоть она моя дочь и я мог бы сказать, что она старается ради бизнеса, но всему есть предел. Я — сам в шоке. И тебя понимаю. Но вы сами должны урегулировать этот вопрос, она уже не маленькая, — сказал сконфуженный тесть.

Михаил думал, что Анна начнет его упрашивать простить его, но та вдруг стала

воинственно наступать на него:

— Если бы ты постоянно был дома... Да ты и как мужчина не очень-то!

Ничего себе! Особенно задела Гольдмана последняя ее реплика. Его добиваются такие красивые женщины Москвы, жаль только, что — не еврейки! А эта обвиняет его в импотенции! Конечно, Михаил понимал, что его могут добиваться, в основном, из-за его финансового состояния, которое все время росло вверх. Но эмоции заставили его забыть о таком неловком, для каждого мужчины, моменте. И потому он заявил, что прощения неверной жене не будет, они разводятся.

Больше всего его удивляли и веселили ее угрозы по поводу развода. Все-таки ее иностранным партнерам была необходима незапятнанная репутация поставщика продукции. Именно потому она теперь начала беситься.

Но Мишу уже это не интересовало. Он довел таки бракоразводный процесс до конца. Ощувив свободу от ужасной жены, он дал себе слово больше никогда не окольцовываться и наслаждаться холостой жизнью. Возле него теперь всегда кружились интересные молодые особы и недостатка в женском внимании Гольдман не испытывал.

Новая безмятежная холостяцкая жизнь Миши продолжалась пару лет, пока вдруг у него не обнаружили неизвестные ранее родственники. Среди них оказалась и разведенная Рашель. Она была более симпатичной, чем предыдущая его жена, со спокойным покладистым характером, молчаливая и уравновешенная. К тому же оказалась тоже самодостаточной женщиной с бизнесом и родственниками в США. Это вам не какой-нибудь Израиль! Все самые умные Ротшильды и прочие богатые соплеменники находятся именно там. Эти аргументы заставили Мишу по-новому взглянуть на брак, как таковой.

Конечно, сначала они стали любовниками. Но порядочной женщине не пристало долго находиться в таком статусе. И вскоре, позабыв свои прежние, им самим и выдуманные, запреты на женитьбу, Михаил сделал ей предложение. Птичкам он объяснил, что лишь вера предков не позволяет ему теперь жениться на нееврейке. Птички посетовали, но вера — есть вера, это как у мусульман. А любовницами они остались, тем более, что Гольдман был щедр на подарки. Хоть в чем-то он хотел чувствовать себя джентльменом.

За эти годы Миша совсем забыл свою

голодную и пыльную юность. И вспоминал о ней лишь тогда, когда приезжал к маме. Теперь он жил роскошно, хорошо и вкусно ел в лучших ресторанах, пил дорогой коньяк, спал в мягких постелях с шикарными пуганами. Конечно, врожденная экономия не позволяла ему развернуться во всю возможную ширь в других, кроме бизнеса, делах, как хотела его широкая натура. В немалой степени этому способствовали былые маменькины наставления.

— Миша, никогда не хвастайся перед другими людьми своими достижениями. А то придет Чека...

— Мама, Чека уже давно нет!

— Какой ты глупый, сына! Ну называется теперь Ка Гэ Бэ и что с того? Бедный Борик Ванштейн стал хвастаться, и что мы видим в результате? Его забрали и он сидит. И никогда уже не выйдет. Потому что он сидит по самой страшной статье в эсэсэсэре — экономической! Если б он даже кого-то убил, ему бы могла светить амнистия. Но статья Борика почему-то называется экономическим преступлением против государства. Если б он хоть печатал деньги — это можно было бы понять. Но он торговал красивыми башмаками. Как башмаками (мама всегда называла все виды обуви башмаками) можно угрожать государству? Разве что в единственном случае, когда Хрущев выперся на трибуну и угрожал ими империалистам.

Но почему-то Хрущеву за эту кузькину мать ничего не было! А Борику за пошив и продажу — было и даже очень! А вот тихий Сема торгует на базаре шнурками и не хвастает... и его никто не трогает!

— Чем же тут хвастать, мама? Что с него возьмешь?

— В Одессе самые большие капиталы начинались с продажи шнурков. У нас, конечно, не Одесса, но шнурки тоже нужны!

— Так что же выходит, мама? Я мог бы не мучиться ехать в ту Москву и остаться спокойно здесь жить и торговать шнурками?

— Почему сразу шнурками? Для людей есть и более прибыльное дело. Мог бы торговать еще более дефицитным товаром, например, туалетной бумагой.

— Тогда ее еще не было, газеткой «Правда» все подтирались!

— Ой, какой ты у меня идеалист, Миша! У членов Политбюро и КПСС она и

тогда уже была! И скажу тебе: таки — да, Миша, ты мог бы остаться здесь и мы бы не пропали с голоду. Но это не для тебя с твоими мозгами. Все-равно, такого уровня ты бы не достиг. Ты ведь скопил уже свой первый миллиончик? Ну, скажи маме, не бойся. Мама своего сына никогда не выдаст. По тем средствам, что ты мне даешь, я думаю, что ты уже близок к нему.

Какими бы наивными не казались рассуждения Фиры Львовны, но Миша запомнил их и взял себе на вооружение. Мама своему сыну ничего плохого не посоветует.

Бывшая жена, узнав о его новой женитьбе, не только не оставила мысль забыть о нем, но наоборот — продолжала строить новые козни. Тесть клялся, что он к этому не причастен и Миша был склонен ему верить. Но многочисленные требования выделить Анне алименты, множественные проверки всевозможных служб на его предприятиях, инициатором которых была та, начали его доставать. Сначала ему было просто забавно смотреть на ее потуги манипулировать им после развода. У них было-таки совместное предприятие, и они поделили его, но Анне все было мало. Она хотела и проценты с его НИИ, магазинов электроники, к которым даже пальцем не притронулась. Анна мотивировала это моральным ущербом за те годы, «когда она о нем заботилась, а он не проявлял к ней внимания!». Это было просто смешным! Но с того момента он понял, что доверять финансовые дела женам и другим родственникам нельзя. Даже деликатную Шелли лучше не посвящать в его дела. Вдруг они с ней тоже когда-нибудь разведутся?

Насчет родственников у него теперь было железное правило — не связываться. Но, что же

касалось соплеменников, было — другое дело. Евреи всегда помогали друг другу. И Мише не было известно противоположных примеров.

Распад Союза многие люди восприняли, как собственный крах. Непонятно стало, как жить дальше. Хоть многие были недовольны прошлой жизнью, но за эти годы привыкли к устоявшимся явлениям. А теперь происходило уж непонятно

что! Действительно, не дай Бог жить в эпоху перемен.

Кроме общей неразберихи в стране, точнее в странах бывшего СССР, произошли и некоторые коренные изменения. Теперь, за то, за что раньше сажали, стали выпускать и поощрять. И вдруг Борик Вайнштейн оказался на свободе. И когда Миша в очередной раз был у маман на могилке, они случайно встретились. Михаилу было очень интересно узнать весь печальный опыт Борика. И они проговорили несколько дней. Результатом этой беседы стало понимание Михаилом того факта, что Борика нельзя упустить, так как он знал все механизмы подпольной и официальной фарцы, все входы-выходы на нужных чиновников, у него в клиентах были высокопоставленные чиновники, щеголявшие в его модных «заграничных» туфлях, и даже «свои» тюремщики.

Таким образом, они сделали свое главное приобретение в жизни — нашли друг друга.

Красивая и прочная обувь, которая была, чуть ли не лучше и дешевле оригинала, нужна всем. Даже Миша не удержался и приобрел себе пару ну очень красивых туфель у Борика. Но самое главное — Вайнштейн был отменный бухгалтер. У Гольдмана было отлично с математикой и он сам контролировал свои счета. Но вот в бухгалтерии с ее нюансами он был не силен. А Борик был свой человек. И он никогда бы не попался, если бы его тогда не подставили. Кроме того, к этому моменту Миша расширил кругозор и понял, что совсем необязательно занимать только математическую нишу и электронику. Почему бы не попробовать что-то новое?

Поэтому их сеть торговли и отделов по изготовлению модной обуви стала расцветать сначала на юге Украины, потом — на юго-востоке, начала распространяться на Молдову, Белоруссию, Прибалтику... Дела шли хорошо в экономическом плане. Но на пути теперь стали возникать осложнения с таможней, пошлиной и прочей гадостью, которой Миша не собирался заниматься. А Борик идеально в этом ориентировался. Попутно он наладил поставки в Москву замечательных молдавских и украинских яблок. И их фуры теперь беспрепятственно проезжали таможни, в то время как другим дальнобойщикам приходилось стоять в очереди несколько дней. Поэтому Борик вскоре

стал правой рукой Михаила по всем бизнесовым делам.

Одно осложняло жизнь — понятие того, что могилка мамы на Украине (в Украине всегда говорили не «в», а «на»), а он теперь — в Российской Федерации. Борик об этом несколько не переживал. Он вообще нигде не жил — был в постоянных разъездах. А Мишу удручало теперь сознание того, что домой он теперь едет в другое государство. Но с этим нечего было поделаться, кроме как смириться.

Появились в жизни Михаила за эти годы и новые, очень рискованные проекты. Например, с Ахматом. Ахмат Латиф Сшудщахи — его давний партнер, обратился к нему с предложением расширить электронный бизнес на некоторые страны Ближнего Востока. Единственным условием было пожелание всячески утаивать мишино происхождение. И это было вполне понятно. Если бы арабы узнали, что партнером Латифа является еврей, то им обоим бы не поздоровилось. Но экономически предложение было выгодным для них обоих. К тому же, они представляли новую генерацию сынов Авраама, которые посредством торговли смогли бы мирно решать и политические вопросы, если бы общественность их до этого допустила.

Примерно с год все было прекрасно. Но

жгучая арабская кровь Латифа энергично сподвигала его к достижению новых горизонтов точно так же, как и еврейская задница Михаила искала на себя приключений. В очередной приезд в Москву Ахмат вытащил Михаила гулять на свежий воздух и поведал, что наклеывается беспроиграшный и очень прибыльный бизнес.

— Что за бизнес?

— Шпионаж, — спокойно ответил партнер.

Миша даже поперхнулся.

— Ахмат, ты шутишь?!

— Я совершенно серьезно.

— Даже слушать не хочу.

— А ты послушай. Ты теперь торгуешь лучшей электроникой. Ведь у тебя же работают лучшие специалисты. И мы ничем не рискуем.

— Ага, конечно, — Миша сразу вспомнил басни маман о Чека.

— Ну, если у тебя утечки информации не произойдет, а у меня такой вариант абсолютно исключен, то...!? Подумай сам, как это интересно. Миша, ну есть у нас с тобой по миллиончику. Ну, еще заработаем. А то, что нам предлагают — это новое интересное дело, чужие тайны, возможность манипулировать людьми, власть. Это уже интереснее просто денег. Хоть и их будет тоже приносить. Много. Проигрыша быть не может.

Что-то заманчивое, конечно, было в словах Латифа. Действительно, вырисовывалась возможность обретения реальной власти, не будучи даже родственником члена Политбюро, ЦК КПСС и Президента. И хоть это было круто, врожденная еврейская осторожность пыталась взять верх в Михаиле над приобретенным авантюризмом.

— Ты имеешь в виду семейный шпионаж для детективов?

— Миша, не смей мои седые пятки, как у вас в Одессе говорят. Это очень мелко для нас. Но если хочешь — можешь и этим заняться. Самостоятельно. Потому что после задуманного международного, мне некогда будет семейным заниматься, да и незачем. Пусть этими крохами сами детективы питаются. Надо же и им что-то на жизнь оставить!

— Международный? — Михаил застыл на тротуаре, как вкопанный, — Ты вообще соображаешь, что говоришь? Тебе — хорошо, ты гражданин Ливана. А я в СССР живу! Ты не слышал о расстрельных делах за измену Родине? Я вообще тебя не узнаю!

— Миша, послушай, то были сталинские годы...

— Ага, и андроповские тоже такие же были! И Горби* тоже пока не отменил эти статьи! У нас в уголовном кодексе есть целый раздел о

государственной измене!

— Ты читаешь УК?

— Пока — нет, но знаю!

— Это у вас на генетическом уровне в СССР — не читать, но знать УК? — засмеялся Латиф.

— Как ты можешь смеяться над этим?

— Да не смеюсь я. Мы же с тобой умные и не допустим просчета. Все сильные личности занимались таким... бизнесом. Кстати, у тебя на столе Пикуль лежал. Не о де Еоне случайно?

— О нем, но он этим занимался не для бизнеса, а...

— Знаю, знаю, родину защищал. А что плохого, если попутно можно зарабатывать на таком?

— предавать Родину вообще аморально!

— Хорошо, ты не будешь предавать свою Родину. Кстати, давай оговорим, какую именно ты имеешь в виду: историческую или настоящую? Какую Родину ты боишься предать? СССР, в котором ты живешь или Израиль, до которого тебе как до Китая?

— Я, конечно, настоящую боюсь предать. Хотя Моссада я тоже боюсь.

— Ну, тогда тебе на историческую родину нельзя ехать.

— Так я и не еду...пока.

— Ты не переживай, будем наблюдать за

другими (третьими) странами. Тогда обвинения, в случае чего, хотя этот случай не должен случиться, будут необоснованными.

На мгновение Гольдман задумался. Если бы по фантастическим расчетам Ахмата эта деятельность не сулила миллионную прибыль — он бы вообще не стал думать об этом. Слишком опасным было предложение Латифа. Но Михаил был математиком и бизнесменом. Поэтому, опасные, но сумасшедшие финансовые перспективы стоили хотя бы минимального рассмотрения. Гольдман был не силен в уголовном и международном праве, но если рассуждать логически, то Латиф был в чем-то прав. Если ты не являешься гражданином страны, в пользу или против которой ты шпионишь, то обвинения в государственной измене быть не может. А просто шпионаж, возможно, не наказывается смертной казнью. Но и десятками лет свободы он тоже не собирался рисковать.

— Просчитываются идиоты, Миша. Или те, кто доверяет свои тайны другим. А мы не будем доверять их никому. Ты же не все рассказываешь своей Рашели?

Михаил помотал головой.

— Ну вот, это основа всего. Да не бойся ты. Общение я беру на себя. Ты будешь иметь дело только с технологиями и с теми, кто будет их

воспроизводить.

— Но надо же будет вербовать людей? Как ты себе это представляешь?

— Аллах Всемогущий! Какие громкие слова! «Вербовать!»... Фильмов о контрразведчиках пересмотрелся, что ли?

— Конечно, как каждый советский человек.

— Никого не надо вербовать. Ты нанимаешь двух-трех работников, которые сидят за монитором и отслеживают математические функции или другие какие показатели и передают тебе, а ты расшифровываешь их. Или твой доверенный помощник. И все.

Гольдман задумался. Предложение было чертовски заманчивым и опасным. Надо было пораскинуть мозгами.

— Мы не будем этим всю жизнь заниматься. Снимем сливки и все.

— Что «все»?

— Займемся новым.

— А чем после такого можно заняться? Разве самому в космос полететь или заняться революциями? Потому что все остальное будет казаться уже слишком мелким.

— Давай сначала сделаем этот этап.

Гольдман несколько дней пребывал в нерешительности. Вот уж, действительно, «и

хочется, и колется, и мама не велит!». Но шанс был охрененный! Раньше он и представить не мог, что может вообще даже думать о таком. В конце концов, чем черт не шутит, когда Бог спит! А в том, что сейчас Бог спит, Михаил был уверен. Сколько можно всего бояться?

Когда первый этап сопротивления Михаила был сломлен, Латиф приоткрыл завесу секрета чуть больше.

— Надеюсь, ты понимаешь, что наш бизнес (так Латиф теперь стал именовать то, чем они собирались заниматься) должен осуществляться в условиях

строжайшей секретности...

— Это я понимаю. Каким именно образом он будет осуществляться международно? Это же надо целую сеть создавать? А чем больше людей примет участие, тем возможность нарушения секретности возрастает...

— Я разве тебе не сказал? Не надо сеть создавать, это тебе не МЛМ. У нас будет космический... бизнес.

Миша опять поперхнулся.

— Каким образом?

— Конечно, мы сначала сформируем прикрытие. Ты что-нибудь слышал о спутниковых телекоммуникациях?

— Слышал, конечно, но для нас это пока

фантастика.

— Так почему бы не стать новаторами и заодно снять миллиончики совершенно официально? А под прикрытием спутниковых антенн не заняться тем, чем мы уже решили заниматься?

— Ты представляешь, что в Москве надо преодолеть, чтобы захватить монополию на спутниковый бизнес? А кроме этого, надо будет действовать официально и тогда все узнают о нашем предполагаемом финансовом состоянии...

— Я уже все продумал, Миша, не кипятись. Основным официальным делом

я займусь у себя. В Москве вообще ничего сейчас нельзя затевать. С вашим беспределом!.. Тебе не надо захватывать монополию. Пока, во всяком случае. Пусть у тебя будет доленое участие. Тогда к тебе будет и меньше внимания. Откроем официально офис. Даже лучше, если не в Москве, а в другой стране. А у тебя будет дочерняя фирма. Какие претензии к тебе? Никаких!

Гольдмана не покидало ощущение нереальности происходящего. Это была уже просто фантастика. Где он, а где космос? Но разве в детстве он не мечтал стать космонавтом, как и остальные советские дети? Правда, шпионаж, даже космический, это не совсем то, что быть космонавтом. Точнее, совсем не то. Или, наоборот,

то?! Кто знает, чем они на орбите занимаются, эти космонавты, кроме биологических и прочих опытов? Шпионят или нет? Наверняка, подшпионируют... Так что у него появился шанс стать в некотором роде космонавтом прямо на земле.

К тому же, у него теперь росли дети. Двое своих, которых за эти годы родила ему Рашель. И в случае успеха задуманного детям бы впоследствии перепало целое состояние. Правда, в случае неудачи грозила конфискация всего имущества. Однако об этом можно заблаговременно подстраховаться. Например, переписать имущество на Рашель, детей, еще кого-нибудь. Генетический голос разума по-прежнему требовал осторожности. Но Михаил всю жизнь прожил среди безалаберных русских, у которых все делалось «на авось». Поэтому генотип — генотипом, но и фенотип тоже оказывал свое авантюрное влияние на биологическом уровне.

И потому Михаил решил рискнуть и дал согласие на предприятие, развитие которого сулило миллионные прибыли.

5

К его удивлению «бизнес» пошел. Латиф

закупил для своего партнера офис на нейтральной территории — в Таллинне. Поэтому Гольдман несколько успокоился. Конечно, ему приходилось постоянно приbedняться во всех инстанциях, в которые приходилось обращаться для оформления разрешения на торговлю элементами спутниковых коммуникаций. Это было так унижительно, но Миша понимал, что в условиях жесткой конкуренции и секретности действовать надо было именно так. Но это был только начальный этап разработки официального прикрытия. Через пару месяцев, за ширмой созданного офиса, началась разработка второго, более важного и замаскированного слоя их бизнеса.

Михаил открывал новые для себя понятия. Конечно, работать на компьютере он умел, потому что у него, в отличие от рядовых советских любителей электроники, был свой Эппл Макинтош. А вот все остальные довольствовались маломощными Атари, Поиском, и в лучшем случае — Амиго. Он сам владел игровым клубом, который оборудовал несколькими Атари. Но «космический салон», как ему нравилось теперь называть новый вид деятельности, это не просто какой-то компьютер. Требовались знания картографии, нужны были услуги дешифратора и много чего еще. Но новое всегда очень занимало Михаила. Ему нравилось решать задачи. Особенно те, которые казались

неразрешимыми. Ахмат иногда удивлялся рвению Михаила.

— Слушай, с твоей хваткой и мозгами ты бы мог уже быть нобелевским лауреатом.

— Да мог бы, наверное, если бы хотел.

— Так возьми и реши, что там у вас нерешенное осталось? Теорема Ферма, кажется?

— Спихватился! Как раз ее недавно решил один профессор из Принстонского университета. Эндрю Уайлс.

— А почему же об этом ничего не раструбили? — удивлялся Ахмат.

— Математика занимает слишком узкий сектор из интересов всего человечества, Ахмат.

— Ладно, тогда уж в нашем секторе интересов постарайся.

— Уже стараюсь. Нашел пару толковых ребят...

Теперь приходилось быть крайне осторожными. Великий Союз распался. И было пока неясно — останется ли законодательство РФ таким же суровым к шпионской деятельности, как союзное, или — нет. Но перестраховаться все-же следовало. Было известно, что с 1992 года в России действует Соглашение о разведывательном обеспечении объединенных вооруженных сил СНГ. Этот документ подписали Белоруссия, Киргизия, Казахстан, Россия, Таджикистан и Узбекистан.

Поэтому, самой ближайшей и безопасной точкой сбора информации были теперь прибалтийские страны. Михаил купил в Таллинне небольшой офис под продажу информационных технологий, под прикрытием которых его толковые ребята занимались совершенно другими — космическими технологиями. Шпионаж придавал бытию остроту ощущений и прилив адреналина. И Михаил понял, что именно этого ему и не хватало все последние годы.

Сначала Михаил думал, что они с Ахматом будут добывать сведения о деятельности космонавтов на борту. Ведь с эпохи гласности технологии стали доступными, но — дорогими. А космонавтика нуждалась в деньгах. Поэтому расчетливые американцы бросились скупать нужные им технологии. NASA интересовало буквально все: маневры, стыковки, проживание, медицинское обеспечение полетов, выход в космос. Особенно их заботил опыт длительного пребывания людей в космосе, который был только у советских космонавтов. Но Ахмат разрушил иллюзии Михаила.

— За космонавтами пусть шпионят сами космонавты. Все значимые страны давно наблюдают друг за другом в этой сфере. Они уже наступают друг другу на пятки. Всего несколько лет назад несчастный Китай стал работать над

пилотируемой программой. Ты же помнишь, как над этим смеялся весь «просвященный мир»? Это вызывало лавину шуток среди ученых и практиков космической индустрии. После очередного неудачного испытания американский обозреватель обидно съязвил о том, что некоторым странам просто не дано научиться летать в космос. Я думал, что за такое заявление Китай немедленно объявит войну США. А теперь Чайна достиг прогресса и весь мир уже с недоумением и опасением поглядывает в его сторону. Тем более что эта страна никогда не боялась заимствовать чужие достижения в области высоких технологий.

Хоть весь мир привык, что на обывательском уровне Китай производил некачественные подделки, Михаил знал, что Латиф говорит правду, и технологии для собственных нужд этой страны очень удачно совершенствуются.

На самом деле Ахмат ранее рассматривал и возможность «чисто» космического шпионажа. Такой фантастический проект, с точки зрения других «специалистов» в данной области, совершенно не смущал предприимчивого араба. Были бы мозги для его осуществления, а как это сделать, он придумает. Тщательно проанализировав доступную информацию, Сшудшахи узнал, что NASA сотрудничает в вопросах космонавтики практически со всеми передовыми странами. Ему

было известно, что в американское агентство даже пригласили предполагаемого израильского космонавта Рамона Илана, который в данный момент проходил курс подготовки с американцами-кандидатами в астронавты 17-го набора. Вот вам и крохотный Израиль. А амбиции у него — космические! Со времен официально разрешенной эмиграции из СССР Израилю удалось создать ракетно-космическую промышленность и создать специфическую космическую программу. Большинство обывателей было уверено в том, что такой подъем в этой стране осуществился благодаря ученым-эмигрантам. Но на самом деле, в первое время им не доверяли, и мало кому удалось попасть в космическую отрасль. А вот их детям, прочно осевшим в земле обетованной и получившим здесь прекрасное образование и свободное владение ивритом и английским, удалось не только устроиться на работу в Институте космических исследований при Технионе, в Тель-Авивском и Беер-Шевском университетах, но и работать в аэрокосмическом комплексе страны. С 1983 года в Израиле было создано свое космическое агентство ISA. Вроде бы поздновато, но... очень успешно!

И вообще в этом секторе во многих странах происходили довольно странные вещи. Евреи хранили в строжайшей тайне точки запуска их ракет, запускали их по странным траекториям, и

Ахмат бы не удивился, если бы узнал, что те уже сотрудничают с инопланетянами. Американцы же совершенно легально скупали у россиян множественные космические технологии. Поэтому слежение на орбите друг за другом было чрезвычайно опасным и от него надо было держаться подальше. А вот передавать заинтересованным представителям разных стран сведения с пилотируемых спутников — совсем другое дело! Это чистый бизнес и ничего личного!

— Так чем же именно мы будем заниматься? И в чью пользу?

— Мы не будем привязываться к чему-то одному. Кто станет больше платить, тому и будем выполнять очередной заказ. И чем именно станем интересоваться, тоже определится заказчиком. Будем действовать, как случайные одноразовые шпионы. Так меньше риска. Но твои Родины трогать не будем, не переживай.

— А Китай?

— Если будет заказ, то почему — нет?

Первым заказом стало непредсказуемо скучное задание о перехвате банального долгоиграющего прогноза погоды с разведывательного зонда. Индию интересовало, прольются ли дожди над Пакистаном. И соответственно, будет ли урожай на его территории. Если не будет, то и воевать особо не

стоит.

— Слушай, Миша! Вот самое перспективное направление — разработка климатического оружия! Ты понимаешь, что за этим стоит? Реальная власть над миром! — всполошился Ахмат.

— Тише-тише, Латиф. Мы еще с этим этапом не закончили, — пытался остановить полет мысли Ахмата вошедший во вкус Гольдман.

Вместе они были силой, неудержимостью и дерзостью. И это давало постоянный кайф!

Кроме нового «бизнеса», Михаил держал под контролем и весь старый: аналитический НИИ, магазины электроники и обуви, яблочную торговлю.

Но шли ужасные 90-е... У людей отжимали бизнес рэкетеры, монополии поглощали кооперативчики, рос бандитизм. Хоть Гольдман и сам постоянно расширялся и поглощал мелких конкурентов, на него тоже начали наезжать. Сначала он пытался отбиваться цивилизованными методами, даже обращался за помощью в бывшему тестю, с которым продолжал общаться. Но тот лишь разводил руками.

— Понимаешь, Миша, сейчас реально не с кем договариваться. До Миши (Горбачева) вся система была строго упорядочена. Все звенья были схвачены; были смотрящие от бандюганов, были начальники от... Ну ты понимаешь... А сейчас идет

перedel какими-то отморозками, которых никто не знает, и на которых просто нет управы!

— Так что же делать?

— Терпеть, пока все придет в норму! Если дождемся такого!

Последняя фраза заставила Михаила насторожиться. Значит, тесть допускает мысль, что можем и не дожидаться? Может, пора паковать чемоданы на

Америку? Надо серьезно поговорить с Рашель.

За последние годы коммерческие интересы Гольдмана очень розрослись. Теперь он уже владел международной сетью магазинов по продаже электроники, фирма «Интеграл» выросла в частный аналитический институт. Конечно, он занялся куплей-продажей картин и предметов искусства. У них теперь был один из самых модных в Москве салонов современного искусства. Понятно, не в Москве, а в банке некоего европейского государства надежно сохранялся его капитал. И даже нетребовательная Рашель не знала о том, что она — жена подпольного миллионера.

Миша по предыдущему опыту семейной жизни с Ройзманами знал, что именно женам и нельзя доверять. Хоть предполагать, что Михаил крепко стоит на ногах, она вполне могла. Вообще Шелли не была очень требовательной в одежде, еде

и питье. Ей было совершенно все равно — оденет она сегодня платье от Армани или от неизвестного московского портного. Главное, чтобы «костюмчик — сидел!». Она была абсолютно нетребовательна к машинам. Но, как у каждого из нас, были и у нее слабости. Точнее — одна. Но очень дорогая. Она обожала камни. Это не обязательно должны были быть именно бриллианты. Красивые рубины, гранаты, изумруд, сапфиры — все они присутствовали в ее коллекции ювелирных изделий. Михаил не ворчал, как другие мужья, а наоборот приветствовал такое увлечение жены. Ведь у них росла Софочка, которой потом перейдет вся эта роскошь. Кроме того, Михаилу льстило, когда они выходили в свет, что его Рашель затмевала других жен изяществом колец, подвесок и сережек. Все-таки Миша был эстет и любил выбирать подарки Шеллли сам, ориентируясь на свой вкус. Поэтому количество шкатулок с драгоценностями на их комодке потихоньку росло и приятно радовало утром глаз.

Нынешняя жена, даром что была такая тихоня, сама тоже время даром не теряла. У нее была сеть совместных российско-американских магазинчиков брэндовой одежды. Самое смешное, что сама она годами могла не пользоваться собственным товаром. Короче, она тоже прикидывалась Золушкой, но Миша подозревал, что он так же не все знает.

Наезды рэкета становились все более регулярными и портили все настроение. Ему даже пришлось усилить охрану всех его предприятий. Но это не очень-то помогало. Ему присылали угрожающие письма с требованиями делиться доходами, угрожали кинднеппингом. А у него же было двое малолетних наследников — дочь и сын. Значит, Мише пришлось заниматься еще и вопросами безопасности всех членов семьи. На примере некоторых коллег Миша видел, что война с предпринимателями пока не близится к завершению и проигрывается. Наверное, стоило всерьез задуматься о переезде.

За эти годы взрослой жизни без маман, Миша перепробовал все «излишества» и оставался не чужд им. Ему нравилось иногда разрушать стереотип пуританского воспитания последних советских времен. Но самое необычное, что он неожиданно обнаружил в себе скрытые порочные наклонности. Ну, если не сами наклонности, то расположенность к ним. Когда-то они с Рашель перед сном читали Мопассана и Михаила поразил один рассказ. Названия он не запомнил, но суть была в том, что один генерал, постоянно имея возле себя красивых походных девок, сопровождавших его повсюду, иногда хотел самую грязную и вульгарную немытую проститутку. И лишь от нее получал желаемое удовлетворение. Гольдмана

поразила аналогия его личных предпочтений с генеральскими. Оказывается, у него не какая-то патология, как он раньше думал, а это классика, описанная в мировой литературе. Значит, с ним все нормально. И это лишь разнообразие его мужской жизни. Иногда: раз в год, пару раз в год его тоже тянуло на такую площадную вонючую вульгарную тварь с невымытым душком. Почему — он и сам не знал. Но лишь с такой подзаборной б... он чувствовал себя раскрепощенным и истинным. И такая стремная «постоянка» у него была. Он мог заявиться к ней в любой момент, мог взять ее в грубой форме, как хотел. Нежные чувства своих жен и любовниц он всегда щадил. Тем более, что он все-таки боялся разглашения своих странных желаний. А с постоянной таких проблем не было. С ней он мог проявлять скрытую ото всех агрессию, мог и позволить получить от партнерши взаимный удар, и поток матерной брани, и проклятия. Но в этот момент он был максимально счастлив. А после приезда к жене у него возникало ощущение возвращения в тихую родную гавань и он начинал больше любить Шелли. Эти редкие извращенные приключения Михаил совершенно не считал изменой жене. Разве это можно было сравнивать?

Сначала ему эти порывы казались чем-то пугающим, патологическим, сродни некрофилии. Женившись на Шелли, он увидел разницу между

ею и предыдущей женой. И ему стало стыдно и страшно. И одно время даже начали терзать угрызения совести. После женитьбы на Рашели, он постепенно забросил своих птичек. Он даже как-то засобирался к психиатру и сексопатологу. Но прочитав Мопассана, он успокоился. Оказывается, мировая литература существует не зря, может и пользу принести. Жаль, что он, как математик, раньше не оценил роль литературы в жизни. Может, и еще до чего-нибудь полезного дочитался бы! Он чувствовал, что подходило время для очередного безумства с площадной тварью. Интересно, она еще жива? А если вдруг уже нет? Где ему искать тогда вторую такую?

Обострение ежегодного повышения сексуальности у Михаила прервало сообщение о новом нападении рэкета на его магазин. Ну как такое возможно, чтобы в Москве разгромили витрины и ворвались ночью? Где милиция? Хотя понятно, что милиция тоже находится не в той доле, на которую претендовала. Как найти «смотрящего» или «держашего» в этой сфере?

Пришло время вплотную заняться решением этого вопроса. Ведь дочке в школе кто-то подбросил записку: «Ленин приказал делиться, а твой папа не выучил до сих пор арифметику?!». Михаил оценил угрожающий сарказм и начал лихорадочно искать выход на высшие эшелоны

криминала. Несколько дней в атмосфере строжайшей тайны его бодигарды через знакомых искали подступы к авторитетным «решалам».

Он даже удостоился встречи на этом высшем уровне и высказал желание принять «крышу от мэтра» и вступить с тем в долю. Но те проценты от прибыли, которые были озвучены и оставались бы после уплаты у Михаила, повергли его в шок.

— Позвольте, но крыша здания не может стоять больше, чем само здание?! — чисто по-математически заметил он мэтру.

— Ну, каждый решает проблемы так, как считает нужным. Чтобы Вы не думали, что все так просто, — объясню. Мы — не только крыша. Мы еще и защита по горизонтали — от наглых ментов, которые никак не насытятся, мы — и фундамент, потому что вокруг полно обезбашенных одиночек, которые под нами не ходят. Значит, мы должны выпасать, простите, выявлять и их, пока они не успели Вам или Вашему ребенку элементарно перо в бок всадить, и принять предупредительные меры.

— Я понимаю, но на что я в таком случае буду жить? Ведь после оплаты Вам... я останусь ни с чем?!

— Думаю, что Вы неправильно ставите вопрос. Не НА ЧТО Вы будете жить, а Вы просто сможете ЖИТЬ. Потому что за Вашу жизнь станем отвечать с момента заключения договора мы. А без

совместного сотрудничества, я не поручусь за Вашу жизнь вообще.

Михаил опешил. Он понимал всю правоту доводов оппонентов. Он понимал также, что и принятие решения требуется от него именно сейчас.

— Извините, но мне надо подумать, посоветоваться с супругой. Такое решение я не имею право принимать самостоятельно.

— Конечно, мы — деловые люди. Но только не думайте слишком долго. Кстати, Вы же с Украины?

Миша машинально кивнул и обомлел. Значит, о нем уже собрана такая подробная информация?

— Мне очень нравится такая ваша поговорка: «Баба з воза — кобыли легше»! Понимаете, о чем я?

— Понимаю, понимаю.

— Ну тогда до скорейшей встречи.

Михаил ушел от мэтра криминала совершенно подавленным. Он не простой обыватель или мелкий торгаш. Да если бы они знали, с кем связались! Он ворочает такими делами! И вот в чем ирония ситуации — он манипулирует данными с орбитальных станций и спутников, а простую ситуацию с рэкетом не может решить! Хотя, если бы они узнали об их с Латифом «бизнесе», то стали бы доить так, что спрятаться от них можно было бы лишь в космосе! В конце концов он решил срочно

готовить отходные пути. Но для начала он посоветовался насчет рэкета с Вайнштейном.

— Что делать, Борик?

— Тут надо подумать. Но и сильно медлить нельзя. Где гарантия, что теперь крыша сама не наедет, провоцируя твое быстрое принятие решения?

— Так вот и я того же боюсь!

— По идее, я даже не могу исключить, что это не они были инициаторами травли.

— Но они заверили меня, что на этих новых сами будут искать управу...

— Я тебя умоляю, Миша! С каких пор ты стал доверять криминалу? Начитался о благородной японской мафии и их кодексе чести? Да они тебе лапшу навешают. Ты еще о Робин Гуде почитай!

— Так что делать?

— Ну подумать надо. Пока не светись. Спрячься. Не светись в своих таблоидах.

— Залечь на дно?

— Именно так, выражаясь слогом твоего любимого криминала. А мы потом найдемся и окончательно решим, что делать. Ведь пока они наезжают в Москве. В мелких городках мне удастся решить такие проблемы малой кровью.

— На самом деле — кровью? — впервые всполошился Михаил.

— Боже, Миша, ты же знаешь, мой принцип

— никакой крови. Но это — мой принцип. Он может отличаться от принципов моих потенциальных партнеров. Поэтому, чтобы спокойно спать — не исследуй, как и написано в законе Моисея. Понял? Нам главное — определиться с принципом защиты. А детали пусть тебя не волнуют.

Только сейчас Гольдман осознал, по какому тонкому лезвию он балансирует, находясь в этом государстве. Хотя в любом другом тоже есть такой социальный, разъедающий все, рак общества, как мафия. Пребывая в ужасе от того, о чем он узнал в последние 24 часа, он неожиданно почувствовал боль и перебои в сердце. Рашель перепугалась и вызвала «скорую». Его чем-то накололи, боль стихла, ритм восстановился, но ужас не отпускал. Только теперь он начал анализировать, в какую западню он попал, разбогатев на свою голову.

Разве были у него такие проблемы 30 лет назад, когда он переехал к Лизе с одним чемоданчиком в руках? С кем бы еще можно было обсудить эту проблему, кому можно было довериться? И тут он вспомнил об Ахмате. Ну конечно же, вот кто привык разруливать крайне опасные ситуации, да еще в критических международных ситуациях! Как он забыл о Латифе?

Но Латиф сейчас был занят почти с аналогичной проблемой. Только ранг проблемы был покруче — Моссад. Это вам не местный рэкет! То, чего они так боялись — все-таки свершилось!

Сшудшахи всегда остереглася работать и с соплеменниками, и с израильтянами. Миша Гольдман был не в счет, он был бизнесменом без роду и племени, как и сам Латиф. Но Ахмат просчитался с самого начала, думая, что они с Михаилом будут самыми осторожными. Не зря евреи считаются одной из самих умных народов. Их система отслеживания возможных попыток шпионажа была замечательной. Нашим «бизнесменам» и в голову не приходило, что в мире могут найтись хакеры и покруче, чем у них. Государство Израиль на самом деле очень нуждалось в дальнейшем развитии своих уникальных средств разведки. Авиация уже не соответствовала этим требованиям, потому что многие арабские страны к этому моменту имели хорошую противовоздушную оборону. Идея о спутниках-шпионах становилась все более популярной среди правительства. Поэтому израильтяне очень внимательно отслеживали все действия со спутниками.

Палестинцы же и не подозревали, что Сшудшахи может быть лично замешан в делах такого значимого рода. Просто зная, что он содержит очень хороший радиоэлектронный бизнес, они предположили, что он сможет вывести их на нужный уровень общения. А так как формально он был гражданином Ливана, Ахмат полагал, что не особо рискует, открывая небольшие израильские секреты палестинцам за очень хорошие деньги. Он даже перестал беспокоиться на этот счет и постепенно потерял бдительность.

Прямо белым днем его неожиданно посетили в офисе неизвестные личности. Особо не представляясь, люди с явно военной выправкой предложили предоставить все доступы к деятельности их «космосалона». Латиф мгновенно понял, что отпираться перед ними нет смысла. Уж слишком многое было известно информационным рэкетирам. И конечно, он понял, с представителями какой именно страны он сейчас беседует. Именно Израиля, которого он всегда остереглася. Поэтому надо было срочно решить, в каком объеме им можно слить информацию, а о какой им еще неизвестно. Именно неизвестную инфу и надо было сохранить для себя на будущее. Это надо было сделать для того, чтобы еще можно было получать дивиденды, а на крайний случай — обменять на свою жизнь. Часть данных ему все же пришлось

дать сразу же. Его даже не поставили перед выбором. Просто предупредили, что отныне к нему будут постоянно наведываться люди, которым он должен передавать требуемую информацию.

Ахмат не потерял хладнокровия. Он был уверен, что его финансы и ум способны уладить недоразумения. Особенно, если ему есть, что предложить взамен. Ну поймали его на том, что он шпионил в пользу Палестины. Но это же мелочь! Он знает, как перевести стрелки с их мелких персон на крупных китов, которые точно интересуют израильтян. Перманентная война двух колен Авраама имеет исторические корни. И то затихает, то возобновляется, но не угрожает всему миру! А вот вездесущие Америка с Россией лезут по всему миру... И реально угрожают всем! А у Ахмата есть болевые точки, на которые может нажать мировое содружество, в том числе и Израиль. И Ахмат готов предоставить Моссаду, взамен своей безопасности и дальнейшей беспрепятственной деятельности, кое-какие сведения, которые могут стать информационной бомбой.

— Миша, понимаю тебя, но у меня, точнее — у нас с тобой, возникла проблема рангом повыше и я должен ее сейчас решить. Ты догадываешься? Должен сообразить! Я сначала решу ее. А потом займемся твоей. Обе проблемы абсолютно решаемые. Но надо пару дней.

У Гольдмана пробежал холодок по телу. Боже, сейчас только не хватало проблем с КГБ или ФСБ, или кто сейчас шпионажем занимается? Ахмат, оптимист хренов! Вот знал же, что не надо ввязываться в это! За длинным рублем, т. е. долларом погнался! Обложили со всех сторон! Может, пойти и добровольно сдаться? Но к этому времени, из чистого интереса, он уже ознакомился со статьей 276 УК РФ о шпионаже. Правда там говорилось о сборе, хранении и передаче информации, относящейся к государственной тайне, которая может быть использована в ущерб национальной безопасности... В данном случае интересы российской национальной безопасности вроде не затрагивались никаким боком! Хотя есть же поговорка: «закон как дышло, куда повернет — туда и вышло»! Миша даже на мгновение представил в своих фантазиях, как некая личность с иезуитским выражением на лице ехидно спрашивает его о том, что он знает вообще о государственных интересах РФ в международной космонавтике. А за шпионаж, на минуточку, предполагается лишение свободы на срок от 10 до 20 лет! Нет, быть богатым, но в камере, Михаилу не улыбалось. Точно так же, как и стать богатым трупом.

Михаил начал паниковать. А вдруг у него нет этих пару дней? И он решился открыться Рашели в

рамках допустимо возможной информации.

— Ты понимаешь, Шель, насколько близко мы находимся у неизбежного? — конечно, Михаил и слова не проронил жене о своей космической авантюре.

— Проси дядю, пусть он подключает любые рычаги давления, но мы должны срочно исчезнуть из этого государства. Еще не хватало рисковать жизнью детей?

Жена сполошилась.

— Это настолько серьезно?

— Шелль, это **ОЧЕНЬ СЕРЬЕЗНО**. Я понимаю, как рисковал, обратившись к... обратившись за помощью. Но меня и тебя, и всех нас уже могли уничтожить. А теперь могут уничтожить с 2-х сторон: и те, и эти, и еще одни, если откажусь. А вдруг эти работают вместе с теми?

— Миша, кто эти и те? И еще одни? Кто все они?

— Все, тебе не надо это вообще знать! Короче, звони дяде.

Испуганная Рашель начала сразу заказывать переговоры. Честно говоря, Миша не очень переживал за жену. Он, хоть и любил ее, но все-равно, в нем преобладал прагматизм. Гольдман давно убедился, что жена — дело наживное. Не хотелось терять ее капитал в случае чего. А вот

собственных детей таки было жалко. И себя тоже! Надо срочно собирать вещи — и в Америку. Хотя для отвода глаз, может и не собирать вещи, а однажды утром выйти как обычно и исчезнуть незаметно? Впрочем, пару — тройку дней все-равно побег не удастся, потому что надо доделать кое-какие срочные дела... Но детям не стоит ходить в школу. А как сделать это не привлекая внимания тех, кто следил за ними в школе?

Утром они вызвали педиатра и выписали детям справку про ОРВИ. Самое смешное, что в школе на самом деле пошел гулять вирус и большинство кашляло. Поэтому все получилось вполне правдоподобно. Михаилу же предстояло в срочном порядке проверить состояние дел дочерних фирм в ближнем Подмосковье. Это должно было занять буквально несколько дней.

— Миша, ты уж береги себя, — напутствовала его дрожащим голосом жена.

И ему в какой-то момент показалось, что они стали гораздо ближе, чем раньше. Он вдруг ощутил давно забытое чувство душевного тепла. У него иногда такое было с Лизой... Может, когда все уляжется, отношения между ними перейдут на новый уровень?

Неожиданно для себя, он крепко сжал Рашель в объятиях.

— Шелли, все будет хорошо. Скоро мы начнем новую жизнь. Ты только контролируй дядины действия и никуда не выходите из дома. Прислуга все привезет, если надо будет, поняла?

— Да, — Жена кивнула.

7

Наскоро проверив предприятия, Михаил с охраной возвращались домой. Но у него оставалось еще одно незаконченное дельце.

— Заедем по дороге в деревню к бабусе, — напомнил он водителю.

— Да, Михаил Борисович, — кивнул тот.

Его охрана знала, что пару раз в год Гольдман навещал на несколько дней

одну бабушку неподалеку от основного шоссе на столицу. Часть охраны была уверена, что бабуля — ведунья. А сейчас стало модным обращаться к экстрасенсам, попросить поддержку звезд для успеха бизнеса, наводить порчу для устранения конкурентов. Но самый старый охранник, служивший у Гольдмана еще со времен его второй женитьбы, утверждал, что бабуля — скорее всего бедная родственница Елизаветы Николаевой. И теперь о ней некому заботиться. Вот он и ездит к ней. Бабуля за эти годы и правда, несколько разбогатела, обустроила дом и участок. Но ведь при

этом она могла быть и экстрасенсом?!

Гольдман обычно отпускал охрану на пару дней, когда оседал в деревне. Здесь ему ничего не угрожало, бабусе он даже камеры слежения установил по периметру. Она и вправду, слегка ворожила, гадала, и иногда под ее воротами стояло сразу несколько машин клиентов. Поэтому для соседей ничего необычного не было в том, что и Михаил приезжал к ней на своей крутой машине. Но он обычно приезжал к ней не для гадания. Здесь у него была в аренде одна личная комната. Здесь он мог отдохнуть, расслабиться, выйти в сад, вдохнуть свежий воздух.

— Держи денюжку, Порфирьевна!

Та одобрительно кивнула и протянула руку за пачкой денег.

— А знаешь, кинь на меня карты! — неожиданно для старушки сказал он.

— А вам же нельзя гадать! В Торе сказано...

— Я знаю, что в Торе сказано. Погадай давай.

— Что — все так плохо?

— Да неопределенно все как-то.

— Ну гляди, виноват перед своим Богом будешь сам.

— Да понятно!

— Ой, Миша! Что-то карта нехорошая тебе идет! Фу-фу! Нельзя тебе никуда ехать.

— Здасьте! Что же, я у тебя теперь должен

жить постоянно? А что карты показывают?

— Показывают, что... сидеть тебе надо здесь.

— Ну, детский сад! Что, смерть вещают?

Бабуся потупила очи и Миша вдруг почувствовал, что угадал.

— Давай говори, что там? Авария, застрелят по дороге?

— Не говорят такого карты. Но... у тебя со всех сторон угроза жизни падает: хоть дома, хоть у родственников, хоть в казенном доме, хоть по дороге... Вот приехал и пересиди у меня. А когда карты лягут как надо — тогда и поедешь.

— Ой, Порфирьевна! Знаешь сама, что ты — гадалка доморощенная и потомственной никогда не была. Твое гаданье такое же точное, как я бы ото сам гадал! А что насчет семьи?

— С ними все нормально вроде. Неприятности есть, но реальной угрозы нет.

— А у меня есть?

— Да, Миша!

— Какая же у меня должна быть смерть? Чего мне бояться — пули, ножа, отравы?

— Самое странное, что карты этого не показывают. Вроде в постели умрешь. Если поедешь куда-нибудь.

— Ну это просто смешно! Умереть в постели — мечта каждого. Ведь я там не от пули погибну? Что может быть лучше: уснуть навсегда и не

мучиться от боли и болячек? И почему это везде, кроме тебя, я могу во сне умереть, а у тебя — нет? Ты что — еще и кардиологом-реаниматором заделалась? Может, мне еще и спать с тобой теперь в одной постели?

— Да не мели чушь! — обиделась старушка.

— Ладно, поздно уже. Завтра утром поговорим.

Миша пошел в комнату и уютившись на почти родной кровати, долго не мог заснуть. А если карты правду говорят? Яхве Всемогущий, и он, математик, говорит такое о картах? Ладно, вдруг каким-то образом, они показывают правду? Что тогда? «И дома, и у родственников, и в казенном доме, и по дороге», но только не у нее? Нет, хитрит Порфирьевна, цену себе набивает. Точно, может она просто хочет его задержать, чтобы побольше денегжат скачать в этот раз?

Но отсюда все-равно придется уезжать. А может уехать не так, как обычно?

Вдруг за ним проследили? Михаил ворочался с боку на бок. Но тревожные мысли так и не дали уснуть ему. Но едва небо начало светлеть, сонный разум успокоил его тем, что все его ночные кошмары — просто бред! Он, математик, начал прислушиваться к сомнительному гаданью Порфирьевны?! Сейчас он доделает свое последнее дело, а потом — будь, что будет! Он тихонько

оделся, прокрался на цыпочках мимо старушки, уснувшей в гостиной, незаметно выскользнул за ворота и направился к шоссе...

Часть 2

Исчезновение

8

Рашель очень переживала за мужа, но охранники успокоили ее, что все идет, как обычно. Через 3 дня он будет дома. А она пока должна подготовить все документы к отъезду. Отъезд держался в строжайшей тайне даже от детей. Измученная метаниями по разным инстанциям и инспекторам, Шелли даже не заметила, как пролетели эти дни. Наконец охранники поехали в деревню за Михаилом.

Дети поправились и хотели идти гулять. Няня уговаривала их остаться дома. Короче, день прошел на нервах, а тут еще и Миша не вернулся вовремя. А к отъезду были подключены родственные связи самого министра иностранных дел! И отправляться они должны были завтра вечером. Рашель была как на иголках. Оставались сутки, а охрана все еще не

возвращалась. Шелли пыталась связаться с ними по радию, но они не отвечали. Она теперь просто места себе не находила от беспокойства.

А тут еще кто-то начал постоянно названивать и бросать трубку. Становилось как-то не по себе. Ночью Рашель не выдержала и начала обзванивать отделения милиции и больницы. Под утро, дозвонившись до больнички при выезде из столицы, она услышала в перечне поступивших в больницу за последние сутки Прохорова Ивана Федоровича. Прохоров был одним из охранников Михаила. Похолодев от ужаса, Рашель помчалась в реанимацию.

Там она подняла на ноги всех и со скандалом все же прорвалась в палату интенсивной терапии.

Ваню было не узнать. Голова распухла и по размеру напоминала футбольный мяч. Вокруг глаз — громадные синяки, руки-ноги сломаны. Рашель от волнения покачнулась и начала оседать, потому что в палате наличия стульев не было предусмотрено. Врач еле успел ее подхватить за подмышки.

— Что с Ваней? Он придет в себя? А где остальные?

— Отвечаю по порядку, дамочка. У вашего Вани закрытая ЧМТ. Может быть — придет в себя, может — нет. Прогноз в данный момент дать не

могу. Видите, он на аппаратном дыхании? Остальным повезло меньше. Они в морге.

Услыхав слова «в морге», Рашель теперь уже совсем отключилась.

— Ну на тебе, еще одна — туда же! Кладите ее на соседнюю койку. Счас придет в себя.

— Может, камфору уколоть?

— Какую камфору, ты что? Водичкой побрызгайте!

Придя в себя, Шелли какое-то время не могла понять, что происходит. Ей снился какой-то страшный сон, будто Михаил попал в аварию... Оглядевшись по сторонам, она поняла, что находится в жестокой реальности.

— Боже мой, Миша... — простонала она.

Медсестра и санитарка недоуменно переглянулись. У этой-то чего амнезия?

— Дамочка, Вы что-то путаете. У Вас Ваня, а не Миша. Миши здесь нет.

— Миши нет!!! А Ваня... — зарыдала Рашель.

— Ч то у нее: муж и любовник здесь? Да Ваня был охранником, — безутешно вопила Гольдман.

Под реанимацией уже сидели гаишники, но Рашель сама ничего не могла им пояснить, лишь просилась в морг на опознание.

— Слушайте, Вы уже здесь упали! А что будет в морге?

— Нет, прошу, пустите меня, мне надо

увидеть его!

После долгих препирательств, звонков Рашели в разные инстанции и к разным должностным лицам, все вместе пошли в морг. Изо всех сил стараясь держать себя в руках, она повторяла, что должна перенести все это ради детей. Для нее сейчас было очень важным установить, каким именно образом погиб муж. Его убили или это была случайная авария? Гаишники сказали, что пока они даже не могут сказать в каком направлении двигалась машина перед аварией: в Москву или из нее.

В местном морге ей показали искореженные и сплющенные тела, которые-то и узнать сразу было невозможно. Сдерживая себя от ужаса, чтобы опять не начать кричать, и ощущая солоноватый запах еще свежей крови на трупах, она пыталась опознать останки.

— Это Юрик Красавец, то есть Красовский. У него такой браслет был. А эта рубашка Айвара. Видите, именные запонки, с буквой «А»! Он латыш, фамилию не знаю. А где Миша? Боже, где Миша? Я не узнаю его. Где их вещи?

Санитар подвел ее к каталке, на которой были сложены вещи, снятые с трупов.

— Где Мишины вещи? Их тут нет!

— Других не было. Давайте, пока составим акты опознания этих трупов, — предложил

гаишник.

— Вы что, в своем уме? Люди только погибли, а Вы их уже трупами называете! Я мужа не могу найти, это вы понимаете! Какое опознание?

— Труп — он и есть труп. Можем по-вашему назвать: тойт. Но как ни называй, они уже не встанут. А родным надо сообщить? Вон как Вы по мужу кричите! А их тоже ищут! Им тоже помочь надо!

— Я не могу сейчас, мне надо Мишу найти, может он в травматологи?

— В машине было четверо, из них один — водитель. Вы уверены, что муж был в салоне?

— Да, он уже должен был по времени быть. Может, вылетел из дверцы?

— Нет, они пристегнуты были.

— Господи, может вышел справить нужду!

— Да нет же, автотехники говорят, что машина была в движении и ее крутило по-всякому. Там и еще другие машины были.

— Так может, он еще в деревне был и они не доехали до него?

— В какой деревне?

— Одинцовка, это по трассе...

— Да знаем мы Одинцовку.

Пока гаишники проводили дознание, в больницу начали звонить от министра.

Сначала к телефону позвали судмедэксперта,

потом и гаишников.

— Да чего мы должны его искать? Он же не погиб, его вообще не было в машине! — пытались они спорить с кем-то на проводе. Рашель никак не могла успокоиться. Истерика накатила на нее непрерывной волной, она даже забыла о том, что дома ее ждут дети.

— О, Боже мой, Боже мой! Вы можете дать моим детям и мне защиту?

— Гражданочка, да успокойтесь Вы, что за паника? Это же не убийство, а обычная авария!

— Обычная! — у Шелли дыхание перехватило от возмущения.

Ну что взять с этих недоумков? Объяснять им об угрозах? Бесполезно и нельзя.

— Езжайте домой, найдется Ваш Миша. Мы съездим в Одинцовку и все узнаем, — заверил ее новый персонаж, появившийся в больнице после звонка министра.

— Спасибо, я Вас отблагодарю, только узнайте все побыстрее. Привезите мне его!

Все еще всхлипывая, она побрела в машину. Ее личный водитель смотрел на нее теперь с нескрываемым уважением. Это же она оставила его сегодня дома, потому что ей надо было ездить по магазинам! А если б он поехал со всеми, то тоже был бы сейчас трупом! От таких мыслей мурашки бегали по телу! Значит, если Михаил Борисович

того... то Рашель теперь — хозяйка! Ну и почет ей, и уважение!

Дети заметили, что мама вся заплаканная, но она была не в состоянии им объяснить последние страшные события. Просто рухнула на кровать, заломив руки от отчаяния. Безучасно проследила взглядом, как их няня сделала ей укол успокоительного, и провалилась в темноту.

На утро ничего не изменилось. Михаил не появился, не появился даже следователь, который обещал министру все узнать. Прошло еще два дня, билеты в Америку прогорели, дети были уверены, что папа ездит с инспекцией, а Шелли выгорала изнутри. Она понимала, что прежней жизни уже не будет. И чего она так убивалась по Михаилу, сама не понимала. Вроде она давно уж особенно не страдала по нему. Но в последний день что-то такое проскользнуло... Что-то неуловимое, мимолетное и новое... А ведь они уже столько лет вместе!

Наконец, она услышала в трубке знакомый голос следователя. Оказалось, что и в Одинцовке Михаила не нашли. Никаких родственников первой жены Гольдмана в деревне отродясь не было. Николаевых было полно, но босяков, а не тех, из столицы.

— Странно, я была уверена, — пробормотала Рашель и испугалась, услышав следующий вопрос следователя.

— А Вашему мужу не угрожали в последнее время? Может, он просто спрятался, ушел в подполье, так сказать?

Она лихорадочно соображала, что можно рассказать, а что — нет. Миша ведь ее не уполномочил на такие разговоры с представителями власти. Он и не предполагал, что пропадет. Или предполагал? А если вдруг и правда? Но он бы ее посвятил в свои планы. Или не посвятил? Вдруг, он побоялся, что она выдаст себя и решил инсценировать такой отход? Наверное, лучше всего прикинуться ничего не знающей.

— Я просто в замешательстве и не знаю, что сказать.

В этой фразе она была настолько честна, настолько убедительна, что следователь ей поверил. Владимир Григорьевич Разумовский понимал, что гражданка Гольдман просто так, безосновательно, не стала бы бегать по всем

инстанциям и истерически искать мужа. Значит, повод у нее для этого был и веский. И причиной здесь была совсем не авария. Авария, скорее всего, была следствием всех этих причин, заставлявших Рашель не находить себе места. Не надо было быть семи пядей во лбу, чтобы понимать, что Гольдманы, наконец, тоже стали очередной жертвой рэкета. Поэтому она так и мечется, не зная, что делать дальше. Разумовский

своей профессиональной деятельностью давно оправдал прозвище «Разум», но иногда для своего удобства косил под дурочка. Если его материально заинтересуют, тогда он и начнет эксплуатировать свой ум. Почему он должен бесплатно работать на этих эксплуататоров? Зарплата следователей была настолько жалкой, по сравнению с доходами этих новых магнатов, что его доходы можно было считать нулевыми. Как и у врачей, у учителей в этой стране... Разумовский давно хотел начать свое сыскное дело. Но он боялся перемен — а вдруг будет мало клиентов, которые смогут оплачивать его услуги? В Советском Союзе все привыкли к стабильной зарплате. К тому же ему оставалось не так много времени до пенсии. А на госслужбе пенсии платили, хоть и низкие. Возможно, после выхода на пенсию разрешат подрабатывать. Вот тогда он и развернется. А для этого надо сначала денег накопить. Но у него есть такая возможность, в отличие от его жены, которая все годы работает школьной учительницей и, кроме никому не нужных хрустальных ваз, ничего не заработала.

— Гражданка Гольдман, возьмите себя в руки! Не только у Вас пропал муж! И у других пропадают родственники. А через месяц находят. Загуляли с девками, с пацанами с работы. С чего вы так переживаете? У Вас есть веские основания подозревать, что с мужем случилось что-то плохое?

— У меня он никогда раньше не пропадал! — всхлипывала обессиленная Рашель, размазывая тушь по щекам.

— Это сначала всегда происходит впервые, — как маленькую, успокаивал ее
следователь.

— И он не уходит в загул!

— Попейте водички, это помогает. И пока пьете — подумайте хорошенько. Раз у Вас такая паника, то...может, его похищение или ... смерть кому-то очень выгодны?

— Тьфу-тьфу-тьфу, Вы что? Смерть? — заревела вголос Рашель.

— Да я же не говорю, что его нет в живых! Успокойтесь! Теоретически? Подумайте...

Шелли постаралась взять себя в руки. Что она знала на самом деле? Совсем немного. Михаил ее не посвящал в детали своего бизнеса. Она знала, что у него есть НИИ аналитических прогнозов. Но какие там могут быть страшные тайны, которые могли бы угрожать его жизни? Он же — математик? Магазины бытовой электроники. Что в этом опасного?

— А рэкет? — жестко спросил Разумовский.

Рашель инстинктивно съежилась, и Владимир Григорьевич понял, что попал в точку.

— Не секрет, Рашель Борисовна, что в данный момент существует такое удручающее явление, над

искоренением которого мы работаем, как рэкет. И крупные владельцы все-таки платят. А Ваш муж?

Разумовский уже знал, что на самом деле отца Рашели звали не Борис, а Борух, но в паспорте значился «Борис». «Если уедут в Израиль — сразу станет Боруховой», — язвительно подумал следователь.

— Миша не платил, — отрицательно покачала головой Шелли.

— Так, может, поэтому он и пропал?

— Я боюсь этого! — призналась Гольдман.

— Вам звонил кто-нибудь с требованием выкупа?

— Нет, я бы сразу Вам сказала!

— Просто звонили?

— Нет, я даже не знаю, что мне думать.

Шелли так искренне прижала раки к груди, что Разумовскому даже стало

ее немного жаль. Но он быстро пришел в себя. «Но-но, не раскисай! Для нее, с ее тысячами, и возможно — миллионами долларов в загашнике, даже утрата мужа не станет таким ударом, как например, его собственная кончина — для его жены. Всем известно, как прибедняются евреи. А когда он загнется — хорошо, если его контора, кроме медалей на подушечку*, выделит, хоть минимальную, матпомощь жене. И вот раскрутить сейчас на бабки эту зареванную посетительницу —

самое время!»

— Гражданка Гольдман, послушайте внимательно! Для эффективных поисков мне надо, чтобы Вы сейчас сосредоточились и расписали мне все связи Вашего мужа по работе, по хобби, по дружбе, — Владимир Григорьевич запнулся, вспомнив о том, что настоящих друзей у евреев не бывает.

— Да, я понимаю, я сейчас все напишу.

— Где сейчас Ваши дети?

— Дети? Они сейчас гостят у дяди в Америке...

«Понятно, готовится к эвакуации!», — отметил мысленно Разумовский.

— Стало быть, они находятся в безопасности от потенциальной опасности?

— Да, можно и так сказать.

— Значит, временем Вы не ограничены?

— Да, конечно!

— Вот в этом проблема. А я — очень ограничен. Ведь у меня, кроме Вас, есть много других дел, — Разумовский показал рукой на груды томов уголовных дел, лежащих на столе.

— Конечно, Владимир Григорьевич, я все понимаю.

— Выход, впрочем, есть, только я не знаю — подойдет ли он для Вас, учитывая ваше бедственное положение...

— Говорите, я Вас прошу, — молящее схватила его за руку Гольдман.

«Рыбка на крючке, можно подсекать!» — радостно отметил Разумовский.

— У меня есть коллеги — молодые пенсионеры, так сказать. Они бы в порядке подработки, могли бы Вам помочь в расследовании. Но, Вы же понимаете, что бесплатно никто работать не будет...

— Конечно-конечно, — заторопилась Рашель, и Разумовский понял, что сейчас самое подходящее время прощупать ее финансовое состояние.

— У меня трое помощников...

На самом деле их было двое, но для себя же тоже надо было выделить зарплату.

— Думаю, что для начала будет достаточно выделить им по тысяче долларов...

— Да, конечно, — вскочила со стула Рашель.

— Я сейчас вернусь, Вы понимаете, что я наличку не ношу...

— Не спешите, после обеда вернетесь, я немного освобожусь...

— Нет-нет, прошу Вас! Вы сообщите им немедленно! Пусть они сразу начнут поиски. Вот Вам для оперативности.... Послушайте, Вас я тоже отблагодарю, ведь Вы же будете координировать, — заторопилась Рашель и вытащила из ушей массивные серьги с изумрудами.

Они дорого стоили, но ей не было их жаль. Пусть они только побыстрее найдут Мишу. А цацки у нее есть. Даже Сонечке хватит. Да и эти сережки ей уже надоели. А следователя они могут убедить в серьезности их деловых отношений.

Шелли всучила серьги в руки Разумовскому и умчалась. Тот подошел к окну и посмотрел на тусклый свет солнца сквозь призму кристаллов. Изумруды настоящие. Золото — тоже. Дорогие. Ну, вот и попалась золотая рыбка, наконец, и на его крючок. «Теперь ты будешь выполнять все мои желания. И особо спешить нам не нужно. Даже наоборот. Чем дольше продлятся наши взаимоотношения — тем лучше. Для меня!»

Разумовский не был слепым и замечал, когда вдруг у кого-то из коллег появлялся автомобиль или норковая шубка у чьей-то жены, или домик за городом. Понятно, что купить такие вещи на их зарплату было невозможно. Кому-то выпадал, возможно, единственный шанс в жизни улучшить здесь и сейчас свое положение. И тот, кто смог воспользоваться таким шансом — выходил победителем. Ему такой шанс все не предоставлялся. И он часто размышлял о несправедливостях судьбы. Но, оказывается, закон справедливости существует. И этот шанс предоставился ему именно сейчас. Он этот шанс не выпустит из рук. Гольдманша и глазом не моргнула

от трех штук баксов. Значит, для нее это — не деньги. Даже если финансы ее мужа ей недоступны, то у нее же есть свой бизнес, и еще родственники в США. Ей не дадут пропасть в нищете, если что. Поэтому, расследование будет длиться очень долго.

Разумовский присвистывая, положил серьги в карман затертого вельветового пиджака и позвонил домой. Жена уже пришла с работы.

— Что случилось, Вова? — перепугалась она.

— Почему сразу «случилось»? Просто позвонил.

— Ты никогда нам не звонишь в это время.

— Все меняется. У тебя как раз есть время до вечера. Мы идем в ресторан.

— Что? На какие деньги? — всполошилась жена.

— Премию дали!

— Вова, может, не надо тогда в ресторан? Нам же деньги нужны. Давай лучше купим Машке новую обувь!

— А завтра и Машке купим все, что надо. Мне большую премию дали! И у тебя есть такое красивое зеленое платье. Одень его.

— А мне нечего под него одеть...

— Уже есть.

— Что? Вова...ты...я в тебя всегда верила, что ты пробьешься! Видишь, начальство тебя все-таки оценило!

У Владимира Григорьевича даже дыхание сперло от жалости к жене. Она — просто святая с ее наивностью. Оценило его руководство, как же! Нет, гражданка Гольдман, ты теперь долго не сползешь с моего крючка. Историей тебе предназначено роль козла отпущения за всю мою предыдущую неустроенную жизнь.

В дверь постучали.

— Это я, Владимир Григорьевич.

Перед ним стояла Гольдман со стопкой каких-то альбомов.

— Вот я принесла семейные фото и рабочие, здесь есть многие его сотрудники, а вот этот альбом — прошу, изучите особенно внимательно. Это его вторая жена. И представляете, она нам... мне покоя не дает.

— Что ж Вы не говорили о ней?

— Да совсем забыла! Она в последнее время просто прохода не давала, все хочет с Миши большие деньги поиметь!

— Алименты не платил?

— Да у них нет совместных детей. Просто хочет денег!

— Сейчас все хотят денег, — с ударением произнес Разумовский.

— Ох, я же забыла совсем. Вот, я подумала, что того аванса может не хватить, вдруг вашим помощникам надо будет выехать в Мишины

филиалы. Короче, вдруг деньги нужны будут на разъезды. Я тут больше положила, — Рашель протянула следователю.

— Ну, мы будем экономить бюджет. Вы деньгами-то так не расшвыривайтесь. Они могут потом понадобиться, — с напускной суровостью произнес он, пряча пачки денег в ящик стола.

— Вы не переживайте, если будет надо — я найду еще.

Рашель понимала, что показывать свое настоящее финансовое положение не надо даже такому хорошему и искреннему следователю, и решила на будущее приbedняться. Надо будет поскромнее одеваться. И не только для следователя.

— Перезайму у кого-нибудь...

Разумовский сочувственно покивал головой, а в душе возликовал. Купит Машке еще и велосипед, который она давно просит. Хотя... Зачем велосипед? С таким новым финансовым источником малой больше понравится ездить на папиной машине! Точно, теперь он скопит денег на авто!

9

То, что у Разумовского была гора дел в разработке, было истинной правдой. Но вести

расследование по факту внезапного исчезновения гр-на Гольдмана он не мог лишь неофициально. Раз случай был зарегистрирован, его надо было расследовать на самом деле. Поэтому Владимир Григорьевич написал список первоочередных розыскных мероприятий. Понятное дело, что надо было сначала посетить Одинцовку, в которой потерялся след Михаила. Почему бы и не прокатиться за город вместе со старым приятелем? Для начала, Разумовский решил показать Рашели, что они честно отрабатывают полученные от нее, деньги. Поэтому, выбрав погожий денек, они вместе с Гольдман выехали в Одинцовку. Приятель Разумовского даже захватил с собой собаку.

Сама Рашель была здесь лишь проездом и даже не знала, в какой дом приезжал Михаил.

— Давайте, сначала, поищем его у самых популярных жителей.

Они заметили внезапно оживленное движение автомобилей на одной из улочек.

— Случилось что у вас здесь? — спросил следователь у проходившей мимо женщины.

— А-а, не, то к гадалке.

— Вот к ней-то нам и надо!

— А Вы очередь у нее заранее занимали? Просто так она не принимает.

— Думаю, что нас она примет без очереди, — повернул руль приятель Разумовского.

— Главное управление внутренних дел, — помахал служебным удостоверением, перед носом у толпящейся очереди, Владимир Григорьевич.

Они всей гурьбой зашли в комнату к гадалке. Порфирьевна испуганно вскочила.

— Вы кто?

— Ну, Вы же гадалка, так угадайте.

— Умоляю, скажите, не приезжал ли к вам такой мужчина? — Шелли протянула старушке фотографию Михаила.

— Ко мне, знаете, сколько человек постоянно приезжает? — Порфирьевна подслеповато щурилась, всматриваясь в мишкину фотографию и пытаясь выиграть время.

Вот значит, какая нынешняя жена у Мишки. Вроде искренне убивается.

— Так что, был он у Вас или нет? — не отставала от нее Рашель.

— Да как тебе сказать, милочка? Вроде был, а вроде — и непонятно... То ли он, то ли нет...

— Слушайте, ну не мучьте меня! — теребила ее Гольдман.

— Да память у меня уже на лица не та, — тянула время Порфирьевна.

— Поговорим иначе, — приятель Разумовского хамовато уселся за стол.

— У Вас лицензия есть?

— Какая?

— На индивидуальную трудовую деятельность?

— Конечно, милый. Я же честно налоги плачу.

— Ты должна помнить всех своих посетителей, старая. Ведь они же иногда к тебе возвращаются? Есть же у тебя постоянные клиенты?

— Ну, есть, — неуверенно призналась Порфирьевна.

— А как ты тогда их узнаешь? — попытался припереть ее к стенке следователь.

— Я это... по ауре их узнаю.

— Прекрасно. Экстрасенсы ведь, чтобы чистить карму, пользуются и фотографиями. Вот тебе фото пропавшего, посмотри на его ауру...

Порфирьевна начала медленно проделывать пассы над фото, все растягивая время.

— Ну что, как аура?

— Ну, аура, как аура...

— Да что Вы все врете? — взорвалась рыданиями Рашель.

«Неужели так она любит Мишку? И за что его любят? Ни рожи, ни кожи!

Другие-то его любят за деньги, но эта, похоже, искренне переживает. Оно и понятно, дети, ведь, есть».

— Я же тебе не Ванга, милочка...

— Да уж, не Ванга, — рассмеялись сыщики.

— Тогда погадай на него.

Порфирьевна поперхнулась. Она хотела сказать, что не гадает на мертвых, но вовремя опомнилась. Не так давно она, встревоженная внезапным мишкиным исчезновением, кидала на него карты. И они ясно показывали, что того нет среди живых. Что же ей сказать Рашели?

— Я Вам заплачу, — поняла это по-своему Гольдман и выложила стодолларовую купюру.

Порфирьевна стала медленно тасовать карты, обдумывая свои последующие слова.

— Карта нехорошая, милочка. Пика в казенном доме...

— Это что? Смерть? — от ужаса у Шелли покатались градом слезы.

Порфирьевне стало ее жаль.

— Ну чего сразу «смерть»? Неприятности...

— Это может быть, — прошептала Мишкина жена.

— А больница может быть казенным домом?

— Может, — успокоила ее старуха, внутренне очень сомневаясь, что Мишка сейчас может находиться в больнице. Разве что в морге?

— Может, в тюрьму попал..

— Мы бы знали тогда!

— А если в другом городе? — возразила Порфирьевна и осеклась. Да что же ее так и тянет

на скользкие темы? Выдаст себя, как пить дать!

— В Подмосковье, например? Вижу, что у него какие-то дела были... не тут...

— А где? — заинтересовался вдруг Разумовский.

А если бабка и вправду — экстрасенс? Вдруг натолкнет на нужную мысль?

— Где-то ... Но не тут, — замялась бабка.

— Я тебе сейчас карту дам. Почувствуй ... флюиды.

Порфирьевна беспомощно огляделась. На самом деле она никаких флюидов не ощущала.

— У меня карты нет.

— Да я тебе свою дам. Вот, держи.

Разумовский развернул затертую по линии многочисленных сгибов карту автодорог Советского Союза. Делать было нечего. Надо было как-то выкручиваться из неприятного положения. Порфирьевна с сосредоточенным видом начала водить пассами над картой.

— Вот, — она показала следователю место на карте

— Здесь ищите.

— Это Белоруссия, — удивился Разумовский.

— У Миши там тоже есть сеть, — обрадовано успокоила его Рашель.

— Погоди, старая, может, ты что-то путаешь? Давай я тебе другую карту дам.

Сыщик вернулся в машину и принес еще пару карт.

— А ну над этой картой поводи, может, чего еще почувствуешь? — приказал бабке Владимир Григорьевич.

Порфирьевна покорно начала водить рукой над картой и вдруг она ощутила, что руку надо остановить над конкретным местом.

— Вот здесь он был. Точно! И здесь! — и она не глядя на саму карту, дважды ткнула пальцем в те места, где почувствовала покалывания в пальце.

— Да ты гонишь, старая!

У сыщиков вытянулись от удивления лица. Бабка, не глядя, опять указала на Белоруссию, Эстонию и на... Ближний Восток.

— О Боже, он у Латифа! — закрыла лицо руками Рашель.

Она никогда не доверяла этому хитрому арабу. Араб не может быть хороший. Разумовский приблизил свое лицо к Рашель.

— Это еще что за история с арабом? Вы мне не говорили?

Рашель встала и медленно побрела к машине. Если Латиф выманил Мишу

за границу и там муж попал в западню, то шансы получить его живым от арабов невелики. Она-то думала, что Михаил пропал здесь... А где

его искать на Ближнем Востоке?

Слезы опять покатались у нее по щекам. За это время постоянного плача Рашель стала совсем некрасивой, изможденной, и сама себя не узнавала в зеркале.

— Эй-эй-эй, Борисовна, не бегите. Так что это за история с арабами?

Рашель открыла дверцу машины.

— Это мишин партнер по бизнесу.

— Араб у еврея — партнер? А что за бизнес?

— Да электроника же!

— Тогда почему такие слезы?

— Я им не доверяю просто. И если Миша тайком выехал к нему, то они могли его захватить...

— Зачем?

— Ну это же арабы! Вы что, не знаете, что евреи и арабы воюют всю дорогу?

— Так то же там, за бугром. А у нас они не воюют.

— Потому что у нас нет арабов, а одни евреи. А если Миша выехал туда... Вы понимаете, что его могут вообще убить?!..

— Слушайте, дамочка, мне как-то все-равно для проведения расследования — еврей, араб или черт рогатый пропавший, подозреваемый или убийца! Я — вообще интернационалист! Мы же все столько лет жили в СССР вместе, а Вы теперь

начинаете Мне расизм впаривать! Короче, надо их найти и это — самое главное! Поэтому, давайте, акценты буду делать я. Так что, нам теперь искать его в Белоруссии, в Эстонии или на Востоке? — спросил сыщик Разумовского.

— По-видимому, да.

Следователь перевел взгляд на Рашель. «Что-то ты мне очень много не договариваешь, милочка. Придется сильно копать. Но за Ваши деньги — любой каприз».

— Хорошо, завтра же выезжай в Белоруссию в филиалы Гольдмана. А заграничный паспорт у тебя есть?

— Нет. Откуда у меня он?

— У Витька вроде есть. И на араба он внешне похож. Пусть тоже завтра летит, скажешь ему.

Они покатали в сторону Москвы.

Порфирьевна села у окошка и повертела в руках купюру. Впервые в жизни ей не хотелось брать эти деньги. Собственные предчувствия и карты ей уже давно подсказывали, что Миши нет в живых. Почему этот дурень не послушался ее? Уехал тайком, чтобы она не уговорила... Но не могла же она признаться жене, что ее муж был у нее. Начались бы нежелательные расспросы, а ей зачем это? А вот если он помер, то где это произошло на самом деле, Порфирьевна не знала точно. Ей казалось, что это должно было произойти

в знакомом им обоим месте. Но Белоруссия, Эстония и Ближний Восток сбили и ее теперь с толку. Может, он поехал все-таки куда-то туда?

10

Старый сыщик Павел Андреевич, напоминавший Рашели его же бульдога, вернулся через пару дней ни с чем. Помощник Гольдмана, ранее судимый, а теперь — успешный обувщик Борис Вайнштейн пояснил, что начальник приезжал с инспекцией пару недель назад и больше его в Минске не видели. Он лично провожал Михаила на вокзал.

— Да две недели назад он еще был дома, не пропадал...

У Виктора сведения были покруче. Оказалось, что гражданин Ливана Ахмат

Латиф Сшудшахи тоже пропал... Исчез, будто его и не было никогда. Вот это было уже странным. У Разумовского концы с концами не сходились.

Допустим, на Гольдмана наехал рэкет. Может, даже убил. Хотя — нелогично. Зачем убивать золотую рыбку, которая может кормить каждый месяц? В конце концов, можно было того выкрасть и взять хороший выкуп. Родня бы заплатила...

Ладно, оставим на время Гольдмана. Почему

пропал Ахмат Латиф? Что их связывало? Подумаешь, международная сеть магазинов электроники! Это же не торговля оружием или наркотиками? Что такого в телевизорах да видеомагнитофонах, чтобы из-за них пропадали люди?

— Слушай, Паша, раздобудь мне весь список всех предприятий Гольдмана.

— Так жена же, вроде, его дала список?

— Она могла что-нибудь забыть, утаить... Сам сделай и все проверь.

— А что мы ищем?

— Сам не знаю. Ищи все. Все может пригодиться.

Разумовскому уже самому стало интересно, что же произошло с Гольдманом. Жив он или нет? Скрывается ли сам или его выкрали? И почему?

Рашель ничего путного больше не могла пояснить. Просто бегала к ним каждый день с огромными глазами и тряслась от страха.

— Мне письмо пришло опять от этой Ройзман. Она подала в суд на меня за укрывательство от нее бывшего мужа. Что мне делать?

— Да плюньте на нее. Она — психически больная!

— Я согласна, что она — одержимая. Это же надо столько сил и энергии иметь, чтобы так

упорно лезть и лезть!..

— Стоп. А расскажите мне об этой гражданке.

— Анна Ройзман. Бывшая жена моего мужа.

— Это я уже понял. Что еще о ней знаете?

— Она — дочь известного адвоката.

— Тоже Ройзман?

— Насколько я знаю — да. Вроде она фамилию не меняла. Достаточно богата. Зачем ей Миша? Просто насолить, видимо.

— Он адвокат по каким делам? — вмешался Бульдог.

— Не знаю. Вроде и хозяйственные какие-то дела у них с Мишей были. И в уголовных он разбирается. Он толковый специалист.

— А он поддерживал отношения с Вашим мужем?

— Да, они общались. Миша даже советовался с ним. Не то, что с дочкой!

— Знаешь, Павел, проверь-ка этих Ройзманов, — дал задание бульдогу Владимир Григорьевич.

— Вы думаете, что они могли... Да нет, что Вы!

— Рашель Борисовна, давайте мы будем расследованием и выводами заниматься. Тем более, что Вы нам именно за это платите.

Рашель кивнула и засобиралась домой. Каждый день она шла к следователю в надежде, что

его команда накопила нужные сведения, и в одно прекрасное утро она зайдет к ним в кабинет, а там будет сидеть целехонький и невредимый Михаил, и ждать ее.

Тем не менее, дома она продолжала постоянно складывать вещи к отъезду. Как только Миша найдется, они сразу уедут из этой страны и забудут ее, как кошмарный сон. Прислуга понимала, к чему идет, но продолжала преданно ходить на работу. Призывы детей приехать к ним она слышала почти каждый день. Хорошо, что дядя оплачивал международные звонки. Иначе она бы на них просто разорилась.

Взгляд Рашели рассеянно скользнул по зеркалу, камину, камоду. Наверное,

надо и цапки складывать. Она открыла шкатулки с драгоценностями. Вот этот изящный ящичек достался ей от мамы с папой. А вот эти вещи ей подарил муж. Она разложила его подарки на кровати и принялась их разглядывать. Эти жемчужные бусы он подарил ей, когда она согласилась выйти за него замуж. Тонкий золотой браслет с бриллиантиками он подарил к рождению Сонечки. Эти дивные гранаты — на день рождения. Шелли гладила пальцами колье, серьги, броши и успокаивалась. Драгоценности всегда приносили ей чувство успокоения. Где-то здесь должна была быть ее любимая брошь в виде зеленой ящерицы с

желтыми глазами. Брошь была старинная — еще ее прабабушки и, соответственно — дорогущая. Но Шелли почему-то не видела ее. Может, Сонечка переложила в другую шкатулку? Вообще-то она не разрешала дочке играть с камнями и другими драгоценностями. Но понимала, что ребенок есть ребенок, тем более — девочка. Яша ведь все время лез к мишиной коллекции зажигалок в виде пистолетов. Миша не курил, но интересные зажигалки коллекционировал. У них в доме даже было несколько кальянов, которые им периодически дарил Ахмат. А Софочка любила нанизывать мамины кольца на пухлые пальчики и играть ими... Рашель заметила беспорядок в шкатулках. Почему-то некоторые кольца лежали вперемешку с бусами и серьгами. Надо навести порядок в шкатулках. Рашель высыпала их содержимое и принялась его систематизировать. Сначала надо сложить кольца. Они более мелкие и чтоб потому они не путались в колье, надо их поместить все вместе.

Колье было очень много, Но Рашель помнила их все. Кольца были как просто золотые, так и перстни с самыми разнообразными камнями, и их сочетаниями. Одно кольцо Миша привез ей из Англии, так оно вообще было сплошь из мелких разноцветных камней, а золота под ними даже не было видно. И хоть перстней было много, но

некоторых из них Шелли не видела. А память на свои драгоценности у нее была феноменальная. Она могла четко сказать где, когда и при каких обстоятельствах у нее появилась та или иная побрякушка. Не хватало пяти-шести колец. Отсутствовал массивный перстень с рубином, тоже бабушкин. Кольцо с изумрудом, которое она всегда носила вместе с ящеркой, которую она все-таки не нашла. Кольцо, похожее на обручальное, с бледным и благородным, как слеза, сапфиром. Она его очень любила, хотя у перстня была особенность, несколько портившая его товарную стоимость. Оно имело мелкое повреждение грани. Бабушка рассказывала, что в годы войны хотела его продать и покупатель начал самым варварским способом проверять истинность химической формулы кольца. Когда бабушка Рашели увидела, что тот пилит камень, она сразу отказалась и забрала кольцо. Теперь внучка ценила украшение, как память о дорогой бабушке. И еще отсутствовали три колечка с бриллиантками. Нет, два. Она заметила, что одно из них было сейчас у нее самой на пальце. Кольца были достаточно дорогими, чтобы составить очень существенную прибавку к зарплате прислуги. Надо будет потрусить своих горничных. Соня могла бы надевать куда-то одно, ну два. Но столько? Стацили, паразитки. Сейчас она их допросит.

— Алексей, позовите мне сюда всю

прислугу, — приказала она своему охраннику.

Однако, ни коллективный, ни индивидуальный допрос прислуги никакого эффекта не дал. Все клялись-божились, что не припасались к шкатулкам. На последних записях с камер слежения никаких подтверждений того, что прислуга замешана в краже драгоценностей, не было. Но записи сохранились в течение 2–3 дней, а потом уничтожались. Что, если кража произошла в последние две недели, когда ей было не до драгоценностей? Вот тебе и честные славяне! Никому нельзя доверять!

Рашель вдруг вспомнила, что Владимир Григорьевич спрашивал ее о том, не пропало ли каких-либо вещей вместе с мужем. Она тогда пересмотрела все его аксессуары. Зубную щетку он всегда брал с собой. Муж панически боялся чужих личных вещей. Полотенца для тела с их вензелем. Трусы, носки, майку. На нем были его статусные швейцарские часы. И его все остальное оставалось в доме. Сказать Разумовскому о пропаже колец и брошки или нет? К Мише это непосредственно не относится. Да еще если следователь узнает, что у нее много цацек, у него будет искушение ее «подоить»... Нет, не стоит. Тем более, что к Мише это не имеет отношения. Надо все-таки, будет спросить у Сонечки.

Вечером Рашель по телефону спросила дочку

о кольцах. Софа вертелась и

отнекивалась, но после маминих уверений, что ей ничего не будет, призналась, что брала игратья побрякушками и хвасталась ними перед одноклассницами. «Ну, все понятно, стащили малолетки. Было бы время — надо было бы прийти в школу и поговорить с малышней. Может быть — отдали бы. А в нашем случае... Можно попрощаться с ними. Что ж, Сонечка, ты сама себя обокрала. И теперь у тебя будет меньше наследства».

11

Эта надменная и настырная Ройзман просто высасывала все силы из Шелли. Бывшая жена Михаила караулила измученную Рашель у лестницы, по телефону, через адвокатов и даже в суде.

— Боже, как он мог быть женат на таком чудовище? Удивительно, что он смог прожить с ней несколько лет.

Гольдман была поверхностно знакома со старым Ройзманом и для нее теперь стало очевидным, что дочь пошла явно не в отца. Насколько Самуил Пантелеймонович был спокойным и рассудительным, настолько его дочь могла вести себя просто нестерпимо. Рашель даже

как-то не выдержала и пришла в Ройзману прямо в его контору.

— Шелличка, слышал о Вашем несчастье, — бывший тесть Михаила встал, галантно усадил конкурентку дочери в кресло и позвал секретаршу.

— Чай, кофе, минералочку?

— Коньяк! — неожиданно для себя выпалила Рашель.

— Это тоже имеется, — кивнул Ройзман.

— Рассказывайте, деточка.

— Самуил Пантелеймонович, Вы сами знаете, какое у нас горе, а Ваша дочь мне проходу не дает! Вы можете что-то с этим сделать?

— О! Она даже меня не слушает! Знаете, ведь она сама виновата, что они разошлись. Я ей так всегда и говорил, предупреждал. Но она у меня такая...царица великая, что все традиции и приличия — это не для нее. Если она возьмет себе что-то в голову, то уж добьется своего! Она у меня очень упрямая...

— А Вы одобряете ее?

— Боже, Шелличка, дело же не во мне. Мне Миша ничего не должен. У нас хорошее понимание, мы с ним недавно совсем общались...А вот Аничка — другое дело. Она считает, что он ей много задолжал...И я ничего с этим поделать не могу.

— Но я какое отношение имею к их взаимным

давно прошедшим делам?

— Никакого, я думаю, — удивленно констатировал Самуил Пантелеймонович.

— Так что же она меня не оставит в покое?

— Ну, наверное, думает, что муж да жена — одна сатана! Может быть, она не верит, что Вы не знаете, где муж скрывается...

— Да посмотрите на меня! Разве по мне не видно, что я места себе не нахожу?

— Шелличка, я обязательно поговорю с Анной. Но сами понимаете, что что-то обещать за нее я не могу.

— Вы хотя бы просто поговорите, — дрожащим голосом проговорила его посетительница.

— Иначе, мне придется обращаться к Вам, как к адвокату.

— Вы хотите нанять меня против моей дочери? — удивился Ройзман.

— А Вы — хитрушка! Но профессиональная этика не позволяет мне в суде выступать в процессе, по которому проходят мои родственники.

— Это, если Вы будете ее защищать. А если будете против?!

Ройзман засмеялся и погрозил пальцем Рашели.

— Вы хотите меня с ней рассорить?

Когда за Рашелью закрылась массивная резная

дверь, Самуил Пантелеймонович вздохнул. То, что он говорил о Михаиле, было правдой. Но властная Анна его все-равно не слушает. За последние годы у нее появилась акулья хватка в финансовых делах. Поэтому отец был совершенно спокоен за ее будущее. Он не сомневался, что в дальнейшем, его Анна вытрусит и от бывшего мужа, и от компаньонов все, что будет считать своим. Ему было даже несколько жаль эту замухрышку Рашель. Она — не достойный противник его дочери и будет со временем сметена и раздавлена той.

Рашель же надеялась, что старый вразумит дочь и Анна перестанет терроризировать ее семейство.

12

— Слушай, Вова, прощупал я этих Ройзманов. Мутные они какие-то.

— Как все, кто ведет серьезный бизнес в Москве. Что конкретно?

— Конкретного — ничего! Но, оказывается, Анна Ройзман тоже наняла сыщиков — наших конкурентов с Тверской.

— О как?! За Гольдманами следят?

— Похоже. За Рашелью — точно. И рыскают по всему городу.

— Ищут мужа, значит.

— Интересно, с какой целью?

— Ну, конкуренты точно, что с такой же, как и мы. А больше ничего не заметили?

— На предмет чего?

— Мокрого дела!

— Зачем ей это? Что она отсудит у мертвого?

— У нее отец — один из самих успешных адвокатов Москвы! Не сомневайся, что эти — отсудят, хоть у живого, хоть — у мертвого! С мертвым просто меньше хлопот.

— Разве?

— Конечно! По-крайней мере, хотя бы — организационных. Опять-таки, покойник — уже не возражает. А что нынешняя жена против, то у нас закон, как...

— Дышло...

— Вот именно. Думаю, надо за этой дамочкой последить.

— Так что, приставить слезку?

— Ну да.

— Тогда гони денегат Семену.

— На вот, этого для аванса должно быть достаточно, — Владимир Григорьевич достал з ящика стола пачку денег, отсчитал несколько бумажек и протянул шустрому Витьку.

— Хранишь прямо здесь? Не боишься, что кто-нибудь увидит? Еще свои же с обыском

нагрянут!

— Да здесь мелочи на текущие расходы, не беспокойся.

Слежка за Ройзманами пока ничего не дала. Действительно, Анна Самуиловна наняла таких же, как и они, ребят-сыскарей, но никто из них даже за очень большие деньги не приняли бы участие в устранении Гольдмана. Наняла ли бывшая жена киллера — проверялось и пока тоже никаких результатов получено не было. Мелкие осведомители оперов удивленно пожимали плечами. Вроде никто не был знаком с этой потенциальной заказчицей убийства.

Один раз Витек так расфантазировался, что выдвинул уже совершенно сумасшедшую версию о случайном убийстве Гольдмана.

— А вдруг, представляете себе, идет он такой крутой по улице и наступает на мозоль озверевшему бомжу!

— И тот убивает его за это и прячет труп! Витек, ты таки фантазер! Михаил не ходил по тротуарам, а ездил в навороченной тачке. Это во-первых! Во-вторых, при нем постоянно была охрана. Как бы этот бомж к нему подобрался?

— А вот и нет! Оторвался же он от охраны в Одинцовке?

Витек до хрипоты отстаивал свою точку зрения, но Разумовский понимал, что версия, хоть и

была фантастической, но что-то наподобие могло быть. В сыском деле сплошь и рядом бывали иногда такие странные повороты сюжета, что и самому придумать невозможно. Элемент простоты и обыденности даже в самих сложных преступлениях встречался.

Но вот если говорить об элементе неожиданности, то почему не предположить, что его забрали «на органы»? Тема актуальная. Потерялся в селе, а потом по дороге в Москву не в ту машину сел?..

Владимир Григорьевич снял очки и испытующе посмотрел на коллег.

— Ты только Рашели не озвучивай эту версию, а то ее точно кондрашка хватит, — предостерег Витек.

— Нет, в самом деле! — начал настаивать Разумовский.

— Ну-у, такая версия тоже имеет место быть. Но как ее проверить? У кого-нибудь есть знакомые трансплантологи? Желательно — «черные»? — озадаченно протянул молодой помощник.

— Да, так они тебе и признаются, кто «белый», а кто — «черный». Через кого можно пробить такую версию? — засомневался Бульдог.

— Надо искать, — призадумался Владимир Григорьевич.

Вообще все в этом деле было каким-то странным. Чаще в его следственной практике сначала происходило моделирование версий, затем — их разработка и отбрасывание ненужных. А с Гольдманом все было наоборот. Чем дальше они вели расследование (именно вели, а не продвигались вперед), тем версий становилось все больше, а результат оставался нулевой.

Нерешенным оставался самый главный вопрос — живой или мертвый в данный момент был Гольдман. Но, как известно, нету тела — нету дела! Разумовский устало подумал, что остался призрачный шанс найти Гольдмана в...тюрьме. Так тоже иногда поступали, чтобы затеряться на неопределенный срок. Иногда ему почему-то казалось, что Михаил просто скрывается, возможно, даже от собственной жены. Может быть просто на время, чтобы она его случайно не выдала рэкету. Потом спокойно появится где-нибудь за границей.

Дело в том, что через систему информаторов своих оперов, Владимир Григорьевич узнал, что господа из организованной преступности отрицали свои какие-либо действия по устранению Гольдмана. Кое-кто не отрицал, что хотел «потрусить» прижимистого еврея, но убивать его никто не собирался. Разумовский был склонен верить информаторам. Ну нелогично убивать

источник возможной постоянной прибыли.

Версия о том, что его убил кто-то из неорганизованной преступности тоже

пока разрабатывалась, но своих результатов не принесла. Тут могли быть варианты, как говорили в Одессе. Новые появившиеся отморозки работали без правил и кодексов чести прежних уголовников. Некоторые мокрые дела вообще невозможно было проследить с криминологической точки зрения. Действительно, несколько промышленников просто исчезли. И скорее всего — по той же причине, что и Гольдман. Все они «висели» в безрезультатном розыске. Разумовский слышал о том, что в Украине сейчас происходит то же самое. Предприниматели десятками пропадали в шахтерском крае, а потом кое-кого находили убитыми в заброшенных угольных шахтах. Страшное время наступило. Был ли в этом виноват распад Союза или он просто послужил катализатором криминального апокалипсиса — Разумовскому было непонятно. Но то, что это был именно апокалипсис, ему было понятно совершенно отчетливо. Промашка получилась с Библией! Самая мудрая книга на земле словами Иисуса, Бога и их мудрецов — святых, апостолов говорила о природном апокалипсисе (землетрясениях, огне с небес, эпидемиях), о духовном (сын пойдет против отца, невестка —

против свекрови) и очень слегка говорилось о беззаконии. А вот теперь он видит, что на самом деле страны так называемого СНГ захлестывают волны преступности, которые рискую поглотить их вообще. Вопрос о том, как остановить преступность, просто не стоял. Необходимо было, хоть как-нибудь уменьшить ее! Учитывая, что Рашель теперь составляла источник очень хорошего заработка (именно заработка, а не приработка, потому что официальная зарплата Разумовского теперь больше походила на грошовую подработку), Владимир Григорьевич даже стал несколько ценить и переживать за нее. Иногда он даже испытывал жалость к этой несчастной, не знавшей, в каком именно статусе она сейчас находится — вдовы или оставленной жены. Он понимал, что как только найдет Гольдмана живым или мертвым, источник его дохода прекратится. Но он уже очень хорошо поживился с Рашели, улучшив жилищные условия, отложив денег на покупку машины, на образование для Машки... В отличие от многих коллег, Разумовский недаром был «разумом» и знал, когда надо вовремя остановиться.

Так где же было возможно найти Михаила? Было невозможно перекопать все леса в Подмосковьи. Поэтому надо было для очистки совести проверить все КПЗ и тюрьмы. Надо дать

задание Витьку, пусть побегает по судам и наведет справки — не осуждали ли за мелкое хулиганство или другое какое-нибудь админправонарушение гражданина, похожего на Гольдмана. Ведь сейчас уже спокойно можно было раздобыть фальшивые документы. Ведь это хороший вариант — отсидеться на некоторое время от рэкета под чужим именем, потом выйти — и сразу за границу под третьим именем или первым? Вот пусть ребята и проверяют эти версии.

Конечно, он не сбрасывал со счетов идею о возможном найме киллера Анной Ройзман, но...Пока эта версия не давала каких-либо результатов. А официальные менты пусть пока разрабатывают официальные версии. Например, о причастности к исчезновению гражданина нашей страны Гольдмана гражданина Ливана Сшудщахи.

13

Разумовский сидел у окна с безучасным видом и барабанил пальцами по столу. Постороннему наблюдателю могло бы показаться, что он просто бесцельно просиживает время на работе. Но тому, кто его знал хорошо, как например, тот же Павел Андреевич, было ясно, что на самом деле Владимир Григорьевич усиленно думает. Лишь в такие

минуты он забывал о том, что дает волю чувствам. Внешние проявления нетерпения, такие как качание ногой, стук пальцами, хождение взад-вперед Разумовский считал «бабскими привычками», недостойными настоящего следователя. Однако, иногда он забывал о слабостях и тогда вел себя не как «железный Феликс», стиль которого ему привили еще в молодости, а как обычный человек.

Владимир Григорьевич не считал себя монстром только потому, что с помощью потерпевшей поправил свое материальное положение. Он был обычным человеком, который попытался воспользоваться случаем, который ему предоставился. Все-таки, теперь он на самом деле пытался помочь своей подопечной не только в рамках официального, но и частого расследования.

В какой-то момент он почувствовал, что Рашель перестала быть для него посторонней статистической единицей — участницей досудебного расследования. Она казалась ему несчастной родственницей, которая не может добиться справедливости в официальных инстанциях.

За окном, по улицам Москвы непрерывно сновали тысячи, да что тысячи — миллионы людей! По каким улицам ходил сейчас Михаил Гольдман? И ходил ли? Может быть, он сидит до сих пор в каком-нибудь подвале у рэкетиров или находится в

камере Моссада? А может быть, его держат в плену многочисленные ближневосточные банды арабов?

Владимиру Григорьевичу, после проникновенной речи Рашели по поводу Латифа, «банды арабов» всегда теперь представлялись вездесущим скопищем бедуинов на мчащихся автомобилях, с поднятыми вверх винтовками и автоматами.

Ну, Рашель! Навешала ему стереотипов! Сшудшахи, оказывается, тоже не простой торгаш был. С блеском закончил МГУ, потом учился во Франции. Прекрасно владел несколькими языками. Вращался как в кругах меценатов, так и политиков, торговцев и банкиров. Разработка международной версии еще неделю назад вдруг привела к неожиданному результату. Оказалось, Ахмат Латиф тоже исчез. Вот это было уже очень интересным. Сначала Разумовский стал подумывать о том, что надо объединить эти два дела по линии Интерпола. Потом подумал, зачем ему это надо. Прибавку к зарплате это все-равно не даст! Конечно, в случае успешного раскрытия международного преступления он мог бы где-нибудь засветиться. Например, в отчетных рапортах Департамента, тем самым прославив Управление, но не себя самого. В исключительном случае — может быть, дадут даже премию, номинальный размер которой нам тоже уже давно известен. И вообще, это же такая

тягомотина! Разделение юрисдикции и всего прочего!.. Владимиру Григорьевичу совершенно не улыбалось встречать в междоусобные распри. Но, видимо, другой возможности раскрыть это дело, не было. Скрепя сердце, он написал подробный рапорт своему начальству, обосновав необходимость объединить эти два дела в одно делопроизводство. Он прекрасно понимал, что начальству такой поворот дел тоже не нужен, но хотя бы для официальной отмазки оно должно дать добро на такие действия. И точно, через несколько дней, Владимир Григорьевич получил разрешение на дальнейшее расследование в международном формате.

Через некоторое время его познакомили с ливанцем, который проводил расследование. Они обменялись необходимой информацией. Разумовский узнал чуть больше о незаконной деятельности гражданина Ахмата Латифа Сшудшахи по сбору информации. Но самым интересным оказалось то, что следователь оказался не совсем полицейским следователем. А впоследствии выяснилось, что и не совсем ливанцем.

Как-то раз, сыщики собрались для очередного отчета перед своим боссом, Витек невзначай бросил фразу о том, что надо быть готовым к наблюдению за ними самими.

— Что? С этого момента поподробней!

— Григорьевич, ты разве не в курсе с кем работаешь?

— В каком смысле?

— В прямом! Твой коллега из Интерпола — вовсе не оттуда, а из внешней разведки.

— Что? — вытянулось лицо у Разумовского.

— Какой?

— Да что ты сегодня тупишь, Григорьевич? Арабской, конечно!

— Почему?

— А я почему знаю? Мне удалось заметить за всеми нами слежку с того момента, как этим стал заниматься Интерпол. Я тоже кое-какие связи имею во внешней конторе. И нарыл я то, что гражданин Сшудшахи интересуется и арабскую и израильскую разведку. Понимаете, к чему я клоню?

— Международный терроризм? — присвистнул Бульдог.

— Не обязательно. Хотя кто знает какие у них в разведке есть факты. Вы же знаете, что евреи — вообще очень осторожные. Вряд ли Гольдман сунулся бы в терроризм.

— Что тогда?

— Например, тот же сбор информации. Только не о промышленном или частном шпионаже. А что-то покруче?

— Ну, Витек, ты даешь! Насмотрелся

шпионских фильмов!

— Погоди, это похоже на правду. Исчезли они примерно в одно время. Были связаны одним бизнесом. А проверь, Витек, ограничивались ли они только бытовой электроникой.

— Уже проверил. Во всем мире начинает набирать сумасшедшие обороты информационный бизнес. Они тоже принимали в нем участие...

— Это что — газеты новые какие-то? — спросил озадаченно Бульдог, искренне не понимая, что опасного может быть в такой сфере деятельности.

— Газеты? — Витек даже поперхнулся от негодования.

Надо же быть таким отсталым от мира?

— Какие газеты? Разрабатывается единая всемирная информационная сеть. Не слышали о такой? Правда, разработчики уверяют, что не будут использовать конфиденциальную информацию для распространения. Но кто же им верит? У меня есть очень продвинутый источник информации в этой области, так она говорит, что..

— Она? — с нажимом на слове, засмеялся Бульдог.

— Андреич, отстань! Есть такие девки, что тебя самого за пояс заткнут! Так вот, она говорит, что, конечно и обязательно, с помощью этой сети возможно проводить информационное слежение за

человеком. Особенно, если спецслужбы потребуют. Кроме того, у меня есть еще некоторые подозрения, но пока ничего вам не скажу.

— Почему? — подозрительно спросил Разумовский.

— Потому, что вы такие отсталые во всех новинках, что смотрите на меня, как на обезьяну в клетке. Поэтому я все узнаю, а потом вы у меня сядете в клетку и я буду на вас глазеть, на отсталых. Вот, Григорьевич, ты своей дочке компьютер уже купил?

— Да все времени не хватает.

— Вот, поторопись, купи. Может Машка тебя чему-то и успеет научить!

— Машка? Меня?

— Именно! Сейчас наступает такой век, когда все вопросы можно будет решать с помощью компьютера, не выходя из этой комнаты.

— Ну, Витек, думаю, ты перегибаешь палку.

— Ладно, я не пророк, но проживете еще лет 10, тогда и поговорим. Пошел я работать.

— Да ты сам-то купил себе компьютер?

— Представьте себе и уже обучаюсь работе.

— Ну иди-иди. Молодежь!

— Андреич, поезжай-ка ты к Рашели и узнай, насчет шпионажа. Только, осторожней так.

— Да не дурак, понял.

Рашель искренне не понимала, на что намекал Бульдог.

— У Миши, как я уже говорила, были магазины электроники.

— А чем-то особенным он торговал?

Рашель наморщила лоб.

— Вроде какие-то особенные, эксклюзивные наушники у него были.

— Наушники, Вы смеетесь?

— Ну Вы хоть подскажите, что Вы имеете в виду, Павел Андреевич.

— Меня интересуют не наушники, а то, из-за чего его могли выкрасть.

— Выкрасть? Так значит, он живой? — обрадованно вскочила Рашель.

— Не цепляйтесь к словам, гражданка Гольдман. Это я в общем сказал. Ничего еще не известно.

— Да что же Вы за сыщики такие, что ничего до сих пор неизвестно?

— Мы — хорошие сыщики. Но Вы понимаете, что зацепиться абсолютно не за что? Вы считаете своего мужа умным?

— Да, конечно.

— Вот и мы пришли к такому выводу. Если он

инсценировал свое исчезновение, то сделал это гениально. Если его украли, то тоже понимали, что сделать это надо без следов. Скажите, Вы проверяли его деловые бумаги?

— Нет, у нас не принято было...

— То время, когда было не принято — прошло. Несите все его бумаги — будем смотреть.

Рашель пошла в спальню, села с беспомощным видом напротив сейфа с документами и задумалась. Что ей оставалось делать? Если она вывалит все документы перед этим бульдогом, тот обязательно просмотрит и их финансовые документы. И имущественные... Был ли другой способ помочь найти Мишу? Как ни крути, но приходилось подчиниться сыщику. Горестно вздохнув, Рашель вытащила ворох бумаг и вывалила их на стол перед Павлом Андреевичем.

— Вы можете их читать здесь?

— О Господи, какая мне разница?

Бульдогу было даже приятнее сидеть в белой просторной комнате, когда вокруг него крутилась прислуга с чаем, кофе и бутербродами, чем сидеть в прокуренной другим сыщиком, конторе.

Он устроился поудобнее в кресле, внимательно изучая каждую бумажку. До чего приятно так утопать в мягкой коже огромного кресла! Надо будет и себе купить домой такое же. Бульдог погрузился во внимательное изучение, а

Рашель отправилась в кабинет Миши, пытаясь и для себя найти хоть малейшую зацепку.

В кабинете все оставалось без изменений со времени исчезновения мужа. Шелли строго-настрого запретила прислуге хоть пальцем прикасаться здесь к чему-либо. Стол, шкафы и диван покрывал слой пыли. По-крайней мере, она теперь могла убедиться в том, что здесь никто не лазил. Рашель присела на диван и стала перебирать папки со стеллажей. Почему они так заинтересовались Латифом? Не потому ли, что она им рассказывала свои страхи о еврейско-арабской войне? Что она сама знала об этом хитром партнере Михаила? По-сути, ничего! Они виделись несколько раз у них дома, на каком-то официальном приеме. Ахмат был неприятен Шелли, потому она уклонялась от общения с ним. Вот сейчас она бы с ним поговорила!..Рашель как-то видела, что у Миши была папка по договорам с Ахматом. Вообще, Михаил был страшным педантом, потому, если бы она даже не знала о такой папке, то вполне должна была бы предположить ее наличие. Конечно, на столе у Миши стоял включенный все это время компьютер. Но она в этом ничего не понимала. Однако, знала, что Миша не очень доверял новомодным штучкам и потому всегда дублировал документы.

Она перебрала множество папок и пальцы у

нее покрылись неприятным налетом бумажной пыли, прежде чем увидела надпись А. Л. С. Ну вот и она. Что же в ней? Пересмотрев множество листочков, Рашель тяжело вздохнула. Ничего такого обличающего в папке не было, кроме непонятных счетов с иностранными буквами и цифрами. Показать это Бульдогу или нет? Что он сможет разобрать, если даже она сама ничего в этом не поняла? Рашель сложила бумажки обратно в папку. А папку положила на верхнюю полку стеллажа. Что толку в этих бумагах?

15

— Слушайте, до чего докопалась моя знакомая! — влетел в кабинет к Разумовскому обрадованный Витек.

— Где-то на международных финансовый сайтах она заметила единичное сообщение о том, что компания Гольдман-Сшудшахи инвестировали некий неизвестный международный космический проект.

— Что? Космический? Так это, на самом деле, у них до фига денег? — заволновался Бульдог.

— Само собой. А если это аппараты космического слежения?

— Витек, ну вот все тянет тебя на

фантастику! — поморщился Разумовский.

— Ну почему же — нет? С их капиталом?

— А действительно, Григорьевич? Раз у них есть такой капитал?..

Владимир Григорьевич раньше не имел практики с делами такого масштаба. И перспектива такого внезапного поворота расследования несомненно пугала его.

Тут теперь начинал маячить призрак разведки и контрразведки. Стоило ли ввязываться в такое болото? Оно было опасным, это болото, и могло засосать всех в свою трясину. В сферы внешней политики государств соваться было проигранным вариантом.

— А ну, пацаны, давайте подумаем. Может, тогда пора остановиться? Запахло жареным.

— Да что Вы, Владимир Григорьевич! — с жаром возразил Витек.

— Мы ведь только подобрались к чему-то настоящему!

— Это может стать твоей последней работой. А ты, Андреич, что скажешь?

— Пока не знаю. Неожиданный поворот. Можно и бабок срубить немеряно, но можно и под топор попасть...

— И я — о том же!

— Давайте, в конце концов, обыск произведем у Гольдманов.

— Какой ты шустрый! А ордер! И ты вообще ничего не имеешь к официальному расследованию!

— Но если ты что-то найдешь, то сделаешь же копию для моего спеца?

— Витек, ты неисправим!

Прошло некоторое время, пока начальство переварило всю информацию от следователя Разумовского и приняло решение продолжить расследование. Тем более, что офицеру-ливанцу тоже был нужен обыск.

И уж совсем неожиданным стал этот обыск для Рашели.

— Я же — пострадавшая, и Вы у меня обыск устраиваете, как будто мы — преступники? — в очередной раз рыдала она.

— Вы поймите, мы Вас ни в чем не подозреваем! Это может принести пользу для расследования. Мы можем обратить внимание на то, что ускользнуло от Вашего внимания...

— Делайте, что хотите! — в сердцах бросила Шелли и ушла, хлопнув дверью.

И они наделали!.. Вечером Гольдман в ужасе ходила по открытым комнатам, в которых валялись на полу вещи, бумаги и книги. Сыскари не пощадили даже детскую комнату и туалет. В результате они наскребли еще немного документов, включая и знакомую Рашели папку с тремя буквами, и извинившись за причиненный

безпорядок, спокойно удалились. Хозяйка горестно прижала ладони к пылающим щекам.

Боже, Боже, они совсем не ценят их права собственности! Потоптались прямо по вещам. Она увидела пыльный след от подошвы на своем платье от Армани. Конечно, ведь их жены не носят такие вещи. Они все нас просто ненавидят. Сколько ей оставалось жить в этой стране? Пока не найдут Мишу. А потом — немедленно бежать отсюда!

В результате обыска и Разумовский, и ливанец нашли уже знакомые Рашели листочки с буквами и цифрами. Но если для жены это было очередной абракадаброй Михаила, то следователи понимали, что это или шифры, или финансовая отчетность. И каждый хотел присвоить листочки именно себе. В результате, казалось бы, неравной схватки с иностранной разведкой, Владимиру Григорьевичу удалось найти компромисс и обзавестись копией документа. Он без промедления отдал листочки Витьку и через день тот торжествующе влетел к нему в кабинет, швырнув на стол распечатку расшифровки кодов.

— Видишь, какой у меня источник? Нам надо эту девушку к себе в штат взять. Она — что аналитическое бюро вместе взятое! И мне надоело оплачивать ее услуги за свой счет.

— Давай сначала посмотрим, что она там расшифровала, — пробурчал Разумовский, понимая

правоту молодого коллеги, но не желая делиться доходами еще с кем-то.

— Это — просто бомба! — заверял воодушевленный Витек.

Материал, действительно, оказался бомбой. Хакер Витька (именно так стали называть впоследствии таких специалистов, как его девушка) нарыла ошеломляющую информацию. Действительно, оба пропавших оказались замешанными в международном бизнесе посредством продажи спутниковых телекоммуникаций. Такой бизнес в недалеком будущем мог принести миллиарды. Мог ли при таком раскладе пойти на такое Гольдман? Теоретически — мог. А практически? Пока Разумовский и его компания целый день терялись в догадках, компания ливийца пришла к утвердительному ответу. Хакер Витька была настолько хороша, что смогла на целые сутки опередить аналитическую команду разведчика. Но что-либо сделать практически для расследования команда Разумовского не смогла. Поступил приказ свыше отдать все материалы ливийцу и закрыть расследование.

— Значит, Гольдман все-таки пошел в этот бизнес, раз разведка забрала весь материал.

— Зачем разведке собирать материалы о таком бизнесе? Ну, торгуют себе люди и торгуют.

Разведке зачем эти тарелки, параметры настроек, дешифровка каналов?..

— Может, именно в этих каналах и дело кроется?

— Ну, наверное!

— Слушай, Витек, спроси свою хакершу, а могут эти телеспутники принимать какие-нибудь другие сигналы?

— Ты это о чем, Григорьевич?

— Думаю, ты понял, о чем?

— Тогда мы вряд ли его найдем.

— Слушай, наверняка не лично Гольдман сидит и расшифровывает сигналы. Его зачем прятать надолго? Дал показания и для правдоподобности, что он нигде не замешан, надо быстрее отпускать. А он уже давно отсутствует. Что-то непонятно.

— Ну и что нам делать дальше, как искать пропавшего?

— А как и где его теперь искать? Может, на самом деле его скрывают в застенках Моссада или у палестинцев?

— А может, и у нас.

— Может...

На первое время Ахмат пришел к разумному соглашению с израильтянами. На свой страх и риск он с помощником начал постепенно предоставлять им некоторые крохи информации, которые они попытались выдать за огромные достижения. Но со временем у новых «компаньонов» аппетит возрос. Сейчас уже Латиф не мог быстро решить терзавшую его дилемму — как сделать, чтоб и волки были сыты, и овцы остались целыми, и долго колебался. Он даже решился потревожить пуганого Мишу и посоветоваться с ним, но тот почему-то перестал выходить с ним на связь. Да в таких вопросах с него толку было!.. И как-то выпив воды в офисе он мгновенно заснул. А проснулся в закрытой снаружи неизвестной комнате.

Придя в себя, Ахмат сел на диван и осмотрелся. Убрана комната была очень скромно, без телевизора, радио и компьютера. Но на застенок она не походила. Вскоре пожаловал и хозяин комнаты. У этого мужчины средних лет с семитскими чертами лица тоже была отличная военная выправка.

— Кто Вы?

— Вы же умный человек, господин Сшудшахи, догадайтесь.

— Я подозреваю, что мы не в Одессе находимся, где принято отвечать вопросом на вопрос?

— Вижу, что Вы хотите сразу ответы на 2 вопроса получить. Но знаете, я Вам скажу, почему Вы не хотите в угадайку поиграть. Слишком многие бы хотели теперь Вас заполучить. Организация, которую я представляю, заинтересована в вашем добровольном сотрудничестве с нами. Но в гораздо большем масштабе, чем это было до сих пор.

— Не понимаю. Мы — всего лишь любители, которые попробовали срубить немного капитала и у нас нет каких-то заоблачных возможностей...

— Гражданин Сшудшахи, не пытайтесь ввести нас в заблуждение!

Ахмат заметил этот переход в обращении с «господина» на «гражданина» и почувствовал нарастающую угрозу.

— Не занижайте свою цену. У вас есть все отличные возможности стать нашими глазами и ушами. А у Вас с компаньоном ДОЛЖНО появиться желание

добровольно и чистосердечно сотрудничать. Как там поживает г-н Гольдман?

— Не знаю, — опешил Ахмат.

— Думаю, стоит навестить и его. Конечно, это несколько затруднительно, потому что он живет в другом государстве...

— Я тоже живу в другом государстве, — спохватился Латиф.

— Я Вас умоляю. Вы все-равно под боком. А

теперь уже вообще — у нас, так что... Хотя, возможно, приложив некоторые усилия, нам все-таки легче будет договориться именно с вашим напарником?

— Вы его выкрадете?

Офицер закатил глаза.

— Зачем? Можно ведь создать условия, когда человек сам будет с радостью идти навстречу.

— Детей украдете?

— Ну, способов может быть очень много выманить человека...

— Сам Миша Вам ничем не сможет помочь, потому что он получает и обрабатывает лишь часть информации.

— Так вот и помогите себе добровольно.

— А то что — пытаться меня будете?

— Боже, совсем недавно наш Верховный суд впервые принял акт, который призван регулировать деятельность спецслужб, в том числе наложил запрет на применения пыток.

Латиф облегченно вздохнул. Не то, чтобы он боялся, что не выдержит боли, но и терпеть мучения тоже как-то не хотелось.

— Но это смотря что считать пытками, — продолжил офицер.

— Пока что четкой классификации для, скажем, морально-этических пыток не разработано...

Ахмат понял, что сотрудничать придется. И лучше — «добровольно». Все-таки, необходимо попытаться побарахтаться и добиться для себя хоть некоторой выгоды. И в таком случае надо, чтобы Миша тоже оказался им нужен. Иначе они просто уничтожат его со всем его выводком.

— Для ваших целей мне нужно более тесное общение с напарником, чем до сего времени. Может быть, даже совместное проживание...

— Я думаю, что это можно будет устроить, — многообещающе произнес офицер.

— Но пока его принципиальное согласие не получено — Вы останетесь у нас.

Офицер вскоре выехал в Москву, чтобы провести подобную процедуру с Гольдманом. Но там надо было действовать с осторожностью. Все-таки, тот был гражданином РФ и не так-то просто его было бы насильно вывезти из страны. В принципе это было и необязательным при условии того, что Гольдман согласится, как и Сшудсах.

Этот офицер в своей службе считался лучшим специалистом по части «уговариваний». Сначала Гольдман представлялся ему более легкой добычей, чем Латиф. Все-таки у того есть болевые точки, на которые нужно вовремя надавить. Двое детей, жена... Но в Москве оказалось, что гражданин Гольдман исчез! Это было неожиданным и странным. Неожиданным, потому что офицер

полностью исключал возможность утечки информации из своего ведомства, и соответственно — возможность побега Гольдмана. А странным, потому что по данным предварительной разведки, у него все было стабильно благополучно. Теперь офицеру пришлось на ходу придумывать правдоподобную версию о причине поиска Гольдмана. Израильянин считал, что всегда лучше придерживаться частичной правды, поэтому совершенно официально заявился в ведомство Разумовского и сообщил его начальству о том, что они разыскивают гражданина Гольдмана в связи с исчезновением его партнера, гражданина Ливана Ахмата Латифа Сшудшахи, который кое в чем провинился перед государством Израиль.

Итак, через день к Разумовскому пожаловал еще один спецгент. Начальник

отрекомендовал того, как представителя МАТАМ — особого отдела специальных расследований и заданий Израйля, и просил предоставить возможные данные о том, где может находиться гр-н Гольдман. «Что же это такое, что его все, как золотую рыбку, ищут?», обеспокоенно думал Владимир Григорьевич. Разумовский не знал структуры Моссад, но это не играло большой роли. МАТАМ, Моссад, ясно, что за его пропавшим охотились со всех сторон. Где же он успел так наследить? Наверное, и в космосе глубоко увяз.

Следователю не нравилось, что его бывшим делом интересуется такое количество иностранных спецслужб. Понятно, что Гольдман был совсем не той личностью, за которую его принимали. Подчиняясь приказу, Разумовский выдал домашний адрес исчезнувшего. Но как только за спецагентом захлопнулась дверь, он набрал номер Рашели и срочно вызвал ее на свою конспиративную квартиру.

— Я Вам всячески доверял, а Вы водили меня за нос?

— Рашель недоуменно смотрела на Разумовского и не могла понять его смену настроения.

— О чем Вы?

— Что связывает вашего мужа с ливанской разведкой и Моссадом? Отвечайте мне и не лгите!

По внезапно округлившимся глазам Рашели, Разумовский понял, что она ничего не знает. Шелли была ошарашена. Ее Миша?

— Да Вы его с кем-то путаете!

— Я могу и путать, а вот израильская разведка вряд ли ошибается. Сосредоточьтесь! Эй, возьмите себя в руки. Подумайте, почему за вашим мужем охотятся со всех сторон? — продолжал напирать Владимир Григорьевич.

Но ошеломленная Рашель лишь беззвучно хлопала глазами.

На последнем заседании частных детективов по делу Гольдмана Владимир Григорьевич подвел неутешительный итог работы его агентства.

— Мы получили много самой разнообразной и достоверной информации, а в итоге — пшик!

— Григорьевич, я уже напоминал тебе, что мы — не боги! — комментировал фразу начальства Витек.

— Скорее всего, здесь замешана госбезопасность. А ты сам знаешь, какие длинные руки у этого ведомства, — заметил Бульдог.

— Ладно, подведем итог. Все ли мы учли и сделали? Ведь мне надо подготовить отчет для гражданки Гольдман.

Версий было хоть отбавляй. Заказное убийство от рэкета или Анны Ройзман, случайное — от гипотетического бомжа, возможная гибель в аварии, месть конкурентов, похищение спецслужбами, похищение с непонятной целью (точно не выкупа, может — для трансплантации органов), потеря памяти в результате травмы и пребывание в реанимации, собственный побег...

— Я бы еще не сбрасывал со счетов возможную месть конкурентов. Мы серьезно еще не отработывали эту версию?

— Григорьевич, а о каких именно конкурентах идет речь? О математиках из фирмы наподобие «Интеграла»? Или об акулах

международного радиоэлектронного бизнеса? С каких корпораций прикажешь начинать: с Самсунга или Сони? Он еще и антиквариатом занимался, оказывается. Может поинтересоваться у аукционистов Сотбис? Погоди, ведь он еще и обувью стал промышлять! С кем конкретно он конкурировал? С Саламандрой? А куда писать запрос по поводу полулегальной яблочной торговли? На российско-украинско-белорусскую таможеню? А, я же самое главное забыл! С телевизионными спутниками — с кем он конкурировал в аэрокосмической отрасли? С бюро нашего Королева или с НАСА?

— Витек, я понимаю твой сарказм. Но мы хоть частично должны рассмотреть и эти версии.

— Как практически ты себе это представляешь? Мой хакер не Господь Бог. Ищите уже через свои источники информации.

— Мои источники! Я надеялся на твое понимание...

— Что толку с понимания? Ну, есть оно, а как это все проверять? Ты понимаешь, что у нас ни людей, ни ресурсов не хватит?

Разумовский понимал доводы Витька, но задачу надо было решать...

Следователь задумался. Следов пребывания Гольдмана в СИЗО или в суде не оказалось. Среди неопознанных трупов и среди коматозников в

реанимационных отделениях Москвы, Подмосковья да и всей РФ — тоже. В Белоруссии он больше не появлялся. В своем офисе в Таллинне его давно уже не было со слов его подчиненных. На Ближний Восток официально не выезжал. Что оставалось делать? Следствие зашло в тупик. Причем, не по вине его спецов. На пути стала государственная безопасность. Это вам — не хухры-мухры! Теперь Владимир Григорьевич просто не знал, что сказать Рашели.

Часть 3

Подольск

17

Ранним утром, пока весь городок еще спал, местный «бизнесмен» — базарник Николай Приходько выехал на базар в соседний район. Он пребывал в блаженно расслабленном состоянии, потому что в 4 часа утра можно было задавить лишь кота или собаку. Машина была загружена коврами, тюлью, шторами и прочим текстилем. Ехать ему на хорошей скорости оставалось минут 50, дорога в это время свободная, бояться нечего,

гаишники сейчас тоже еще спят... Чтоб не петлять по самому центру, Николай повернул на мелкую объездную дорогу. Как раз рядом с дорогой оканчивалась верхняя черта города, а в центре перекрестка находился канализационный люк. Всегда проезжая здесь, Николай каждый раз удивлялся. И кому же это пришло в голову устраивать сток прямо в центре дороги? Он не был коренным жителем Подольска, иначе он бы знал, что в период дождей этот перекресток постоянно заливало чуть ли не до уровня колен.

Сейчас Николай не очень-то присматривался к этому люку, но раньше тот всегда его беспокоил. Сегодня ему показалось, что крышка люка была сдвинута. Правда, задумался над этим Приходько поздно — лишь тогда, когда он почувствовал внезапную тряску в салоне и услышал лязг металла. Николай остановился и выскочил поглядеть, на что он наехал. Так и есть, крышка люка была сдвинута. Надо поставить ее на место. Приходько присел и тут ощутил резкую вонь, исходящую снизу из ливневки. «Фу, видимо пес упал и не смог выбраться», — подумал он. Перед ним была дилемма: закрыть люк или вытащить задохлика и уже после этого прикрыть люк. Конечно, Николай сам не собирался вытаскивать всякую падаль, пусть коммунальщики этим занимаются. Но надо же, чтоб сейчас хоть немного вывонялось. Приходько подал

машину несколько вперед и вновь приблизился к люку, чтоб оттащить крышку к обочине. Луч восходящего солнца неожиданно осветил перекресток, люк и колодец, и Николай с ужасом заметил, что падаля очень велика. Со смешанным чувством ужаса и отвращения, он осторожно наклонился над отверстием, отгоняя невесть откуда взявшихся мух, и вдруг увидел обернутую к нему подошву. Был ли это ботинок или туфель — Николай не разглядел. Но он четко увидел, что обувь была одета на ногу! Почувствовав приступ тошноты, Приходько сел на тротуар и дрожащими руками вытащил мобильник. Он уже догадался, что сегодняшней базарный день — не для него. Ехать в таком состоянии ужаса в другой район было невозможным...

Валера Муслий никак не хотел просыпаться. Снилось ему, будто кто-то громко стучит в окно, но он и во сне хотел доспать. Поэтому он настолько желал, чтобы все попропадали к чертям собачим, что совершенно отчетливо промышчал:

— Да пошли вы все на ...!

— Валера, — трясла его за плечо жена, — К тебе приехали.

Спросонья весь взлохмаченный, Муслий буквально подполз к окну и увидел знакомые все лица: ДИМа из центра города, опера и криминалиста.

— Слушайте, да пошли вы все... Чего не спится?

— Валерий Михалыч, ну труп же у нас, — виновато начал ДИМ.

— Задрали уже по ночам ездить! С твоего участка? Чего за Динкой не поехали? Она же у вас под боком живет! И она уже с 5 утра не спит!

Для Муслия рано вставать было самой большой проблемой в жизни, в то время как его коллега была настоящим «жаворонком».

— Так она же сейчас детей будет в школу собирать!

— А у меня тоже есть дети! — начал капризничать эксперт.

— Ну, Михалыч, у тебя же жена детей собирает! — укоризненно возразил следователь прокуратуры.

— Чета я сегодня не джентельмен с утра! — утрировано-саркастически прорычал Муслий.

— Ладно, ждите. На что хоть едем?

— Да гниляк — бомж какой-то в центре города в люк свалился.

— Что?! Это из-за гниляка вы меня в такую рань подняли? Что он, с ножом в сердце?

— Тьфу-тьфу на тебя, Михалыч, ты что? Этого еще не хватало?!

— Он что, еще подождать пару часов не мог, все-равно уже гнилой!

— Да люк на дороге! Сейчас же народ массово поедет! Как тогда останавливать движение?

— На перекрестке, что ли?

— Да.

— Чтоб тебя!

Чертыхаясь, Валера пошел одеваться.

Опера уже привыкли к таким истерикам заведующего отделением судмедэкспертизы. Это с приездом в город Дины Гнатенко он стал так выкаблучиваться. Раньше, будучи единственным экспертом в районе, он не мог себе позволить препираться с опергруппой.

Повозившись с трупом, от которого неимоверно смердело, еще минут сорок, опергруппа приехала в отделение СМЭ и все сели пить чай.

Безмятежно улыбаясь и очаровывая всех мужиков, кроме Муслия, своими невидимыми флюидами, на работе появилась Дина.

— Ну вот, конечно, она с улыбкой приходит на работу! — полусаркастически

заявил ее начальник.

— Ой, что такое, мы не в духе?! Куда едем, ребята?

— Уже никуда, Дина Алексеевна, только приехали, — сообщил ей следователь.

— Да, я уже успел поработать, Диналексевна,

пока Вы прохлаждались.

— Что, сильно страшный труп, что такие дифирамбы с утра?

— Да гниляк, еще и рано подняли!

— Ну, хочешь, я его вскрыю?

— Да уж, конечно, хочу!

— Ладно, тогда я пошла переодеваться.

Переодевалкой у них служил все тот же туалет, совмещенный с душем. Муслий еще вчера представлял, как в последний день перед курсами отдохнет, приведет все заключения в порядок, потому что вернуться домой на выходные сможет лишь через неделю.

Но все-таки чувство совести и им же совершенно справедливо установленное правило, что кто кого надежурил — того и вскрывает, не дали ему продолжать и смотреть, как Дина пойдет на его гниляка. И когда коллега вернулась в комнату за перчатками, то он обиженно бросил:

— Да сиди уже на приеме! Я сам пойду.

Дина вопросительно повела бровью и хотела из вежливости возразить, но зная, что у Валеры с утра можно было и на маты нарваться, смолчала. Как раз в коридорчике уже собралось четверо пациентов, пора было и начать работать. Когда очередь рассосалась, Дина, движимая профессиональным интересом, зашла в морг.

— Ну что у тебя? Все нормально?

— Да иди, не заванивайся. Нормально — повреждений нет.

— О, на нем были трусы от Келвина Кляйна?

— Я тебя умоляю! Китайская подделка, конечно.

Раздался стук в морговскую дверь.

— Кого еще несет, ждите! — разъяренно прорычал Муслий.

— Это я, Валерий Михалыч, Марьяна, мне надо его пальцы откатать.

— Нет, ну ты посмотри, вот м...ки! — девушку на гнилого отправили!

Дина вышла из морга и увидела подружку. Марьяна Подбельская появилась в Подольске примерно одновременно с ней и была талантливым экспертом-криминалистом с большинством допусков. Кажется, у нее пока не было допуска до работы только с наркотиками. Марьяна была ментальным, интеллектуальным и душевным двойником Дины. Поэтому они сразу почувствовали симпатию друг к другу и подружились. Единственное, чем они отличались — так это только тем, что у Подбельских пока не было детей.

— Вот, все-таки паразиты твои коллеги. Отправили тебя на гниляка. Этим они мстят за эмансипацию женщин?

— Не знаю. Вышло же положение о том, что

надо сделать лицо милиции более человечным, поэтому теперь должен быть определенный процент сотрудников-женщин. Может, перестанут мстить. Скорее всего, они пытаются меня макнуть в грязь, чтобы доказать, что поблажек не будет.

— Открою тебе страшную тайну — сами они НИКОГДА не катают пальцы у гнилых. Их в морг невозможно в таких случаях затащить. Всегда просят Валеру и он им катает.

— А он не имеет права.

— Понятно, но, ведь, никто же из начальства не знает об этом. Пойдем, я тебя переодену, чтоб твое платьишко не пропахло!

Дина дала подруге халат для вскрытий и резиновую обувь.

— Волосы все прибереи, они очень натягивают запах.

Марьяна была такая же фанатичка, только в области криминалистики, поэтому козни мужчин-сотрудников ее не пугали. Она переоделась и помчалась в морг. Слишком много экспертиз ждало ее в «дома» — в милиции.

Уже ближе к концу смены Валера зашел к Дине пообщаться. Не то, чтобы он хотел с ней советоваться. Он признавал, что ему иногда приходилось с ней советоваться, но этот факт очень претил его самолюбию. Конечно, он осознавал, что у Дины и подготовка была намного более мощная,

чем его несчастная специализация и переквалификация. И в судебную медицину она, в отличие от него, пришла по призванию. Но все-равно, факт того, что женщина могла быть спецом выше него по уровню, очень была по его самолюбию. Поэтому он пришел не советоваться, а просто... пообщаться.

— Понимаешь, какой-то этот труп все-таки стремный! Вот нет повреждений, но чуйка у меня какая-то, что он упал в тот люк не просто так.

— А как он там находился?

— Вниз головой.

— Ну, так это же главное, если бы шел пьяный, упал бы ногами вниз. И почему не вылез? Значит, с головой уже было что-то не так.

— Но голова, кости в смысле, целые. А на гнилье повреждений нет!

— Я имею в виду, что голова, как и тело было уже мертвым. Поэтому и кинули его как попало в отверстие. А люк был открыт или закрыт?

Валера похолодел. Как такие простые мысли не пришли в его голову?

— Когда мы приехали, то он был открыт. Чувак, который его заметил, говорил, что крышка неплотно прикрывала люк, из-за этого он и остановился.

— Ну вот, криминал, стало быть. Не ногами же он за собой люк закрыл!